ЛЕНИНГРАДСКИЙ ИСТПАРТ

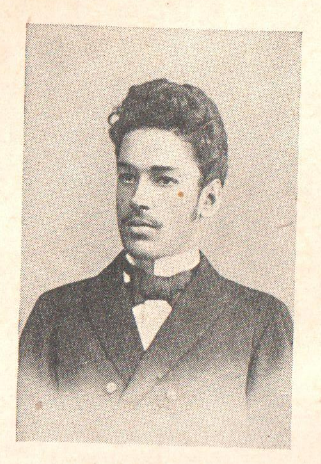
Куделли

ОБУХОВСКАЯ ОБОРОНА

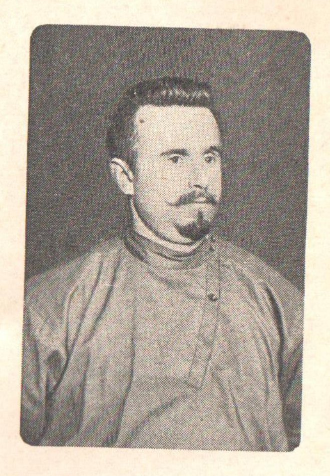
в 1901 г.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО / 1926

АКТИВНЫЕ УЧАСТНИКИ „ОБУХОВСКОЙ ОБОРОНЫ“.

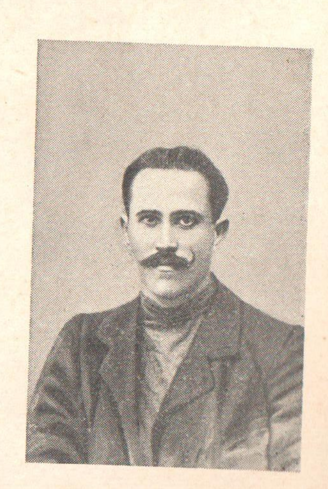
Анатолий Ермаков.

Анатолий Гаврилов.

Марфа Яковлева.

Иустин Шпитовский.

ОТДЕЛ ЛЕНИНГРАДСКОГО ГУБЕРНСКОГО КОМИТЕТА ВКП (б)
ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ и ВКП (б)

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ИСТПАРТ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОБУХОВСКАЯ ОБОРОНА В 1901 ГОДУ

(К 25-ЛЕТИЮ ОБУХОВСКОЙ ОБОРОНЫ)

СБОРНИК

Составила П. Ф. КУДЕЛЛИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1926 ЛЕНИНГРАД

СОДЕРЖАНИЕ.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ОБУХОВЦЕВ В 1901 ГОДУ.

Выступление рабочих Обуховского завода было как бы первым вестником вооруженных восстаний 1905 — 1906 годов и революций в феврале и октябре.

Тяжелый путь борьбы провел рабочий класс Петербурга и всей России на протяжении в особенности последних десятилетий XIX века и начала XX века. Неуклонно с каждым годом вместе с развитием промышленности развивалось рабочее движение и становилось все грознее, выдвигая в то же время все новые кадры рабочих — активных революционеров.

В конце 70-х годов всеобщее внимание обратили на себя забастовки ткачей на Новой Бумагопрядильне в Петербурге в 1878 и 1879 годах, когда впервые начал свою революционную работу выдающийся рабочий Петр Анисимович Моисеенко. Он сумел перенести забастовки и на другие предприятия — Шау и Чешера. Общая работа велась под руководством народников-землевольцев и в частности Г. В. Плеханова.

В 1885 году прошумела на всю Россию Морозовская стачка и вскрыла на суде ужасающее положение рабочих на мануфактуре Саввы Морозова в Московской губернии. Так от десятилетия к десятилетию шла вперед, переливаясь из одной губернии в другую, широкая волна рабочих забастовок.

90-ые годы особенно показательны в смысле роста стачечной борьбы в частности в Петербурге, когда в 1896 году возникли для того времени огромные забастовки, — бастовало более 30 тысяч рабочих-текстилей у Максвеля, Паля, Воронина и в других фабриках, — забастовками руководил Союз Борьбы за освобождение рабочего класса.

Еще более бурными и революционными были, как известно, девятисотые годы. Иначе и быть не могло. Предыдущее десятилетие с массовыми забастовками не могло не оказать своего влияния и на революционную интеллигенцию. Это влияние ярко выразилось в ее устремлении к изучению Маркса еще в 90-ые годы и к пропагандистской работе среди рабочих масс. Поднялся низовой класс и пришло в движение и так называемое общество. В 1899 году усиленно разгорелись студенческие беспорядки и забастовки, в 1901 году 4 марта на Казанской площади произошла демонстрация, главным образом,

студенчества и радикальной интеллигенции вообще против новых правил — сдачи в солдаты студентов за беспорядки. Здесь присутствовали также и рабочие, но не в большом числе. Приближалось 1 мая по новому стилю. Петербургская социал-демократическая организация решила призвать рабочих 22 апреля на Невский, на ту же площадь на рабочую демонстрацию, но в силу разных причин она оказалась неудачной. А 1 мая старого стиля неявка на работу на Обуховском заводе большого числа рабочих привела в конечном счете к знаменательной Обуховской обороне 7 мая.

Забастовка обуховцев 1901 года стоит в общей цепи с предыдущим движением с той лишь разницей, что здесь перед нами новая ступень рабочего движения, граничащая с вооруженным восстанием. Правда, вооружение обуховцев было весьма примитивно, оно состояло из булыжников с мостовой и кирпичей, но, несмотря на эту примитивность, и рабочие и работницы, подростки и даже дети были охвачены единым классовым чувством и порывом защитить себя от нападения врага в лице правительственных городовых, казаков, солдат и матросов. Для тех, кто имел глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать, ясно стало, что не за горами более серьезные бои, не за горами — революция.

Вот какие выводы сделал в свое время Л. Мартов (Ю. Цедербаум), Л. Мартов старой «Искры», характеризуя выступление обуховцев:

«В последнее время много говорили о том, что уличная борьба против современного войска невозможна и безнадежна, особенно настаивали на этом те «критические» умники, которые выдавали старый хлам буржуазной учености за новые выводы беспристрастной науки, извращая при этом слова Энгельса, говорившего, и притом с оговорками, только о временной тактике немецких социал-демократов. Мы видим даже на примере отдельной схватки, что все эти толки совершенно вздорны. Уличная борьба возможна, безнадежно не положение борцов, а положение правительства, если ему придется иметь дело с населением не одного только завода. Рабочие при схватке 7 мая не имели ничего, кроме камней, — и уж, конечно, не запрещение же градоначальника помешает им в следующий раз запастись другим оружием. Рабочие были не подготовлены, их было только $3^1/_2$ тысячи, и тем не менее они отбивали несколько сотен конной стражи, жандармерии, городовых и пехоты. Вспомните, легко ли удался полиции штурм одного дома № 63 по Шлиссельбургскому тракту! Подумайте, легко ли будет «очистить от рабочих» не два — три двора и дома, а целые рабочие кварталы Петербурга! Не придется ли также, когда дело дойдет до решительной борьбы, «очищать» столичные дома и дворы не только от рабочих, но и от всех тех, кто не забыл гнусной бойни 4 марта, кто не примирился с полицейским правительством, а только запуган им и не верит еще в свои силы?»

Выводы Мартова тогда, когда он работал вместе с Лениным, вполне соответствовали действительности. Рабочее движение нарастало с огромнейшей силой: забастовка в Ростове-на-Дону в 1902 году с тысячными митингами под открытым небом, когда день или два город оставался почти без властей, перманентные забастовки в южных городах России в 1903 году и, наконец, как девятый вал — великая революция 1905 года. Выводы Мартова — тогда революционера — оправдала жизнь. В общей цепи поступательного рабочего движения, повторяем, Обуховская оборона занимает не последнее место.

Не только революционеры, но и царское правительство ясно учитывало значение Обуховской обороны и всех предыдущих событий. Оно не могло не принять во внимание и боевого единодушия трехтысячной массы и ее упорной борьбы: 6 часов боролись рабочие, вооруженные только камнями против огнестрельного оружия отдельных рот и команд, еще и еще прибывавших из города за Невскую заставу к Обуховскому заводу. А здесь строились баррикады, стекались рабочие и работницы из других соседних предприятий. Правительство решило принять свои особые меры. Чтобы описание всего происшедшего не проникло в печать и не стало бы известным по всей России и не послужило бы примером для рабочих в широком масштабе, а также, чтобы и за границей не знали о быстро нарастающем революционном движении в нашей стране, — 11 мая правительством было разослано всем редакциям газет и журналов особое распоряжение: ничего не печатать о беспорядках на фабриках и заводах и об отношении рабочих к хозяевам без разрешения на то департамента полиции. Подобное распоряжение было издано еще в 1896 году, после забастовок текстилей, а теперь о нем напоминалось в категорической форме. Такое постановление было хуже прямого запрещения. И вот почему: департамент полиции фабриковал свои собственные сведения и в своих собственных интересах, чтобы обелить правительство и перенести всю вину на рабочих. Подобные лживые сведения газеты должны были печатать по приказу департамента полиции.

Из тех же соображений судебный процесс по делу 37 арестованных, так называемых «зачинщиков» забастовки и обороны, происходил не в порядке суда присяжных, а дело разбиралось в С.-Петербургской судебной палате с участием сословных представителей. Свидетели все были или дворники, или полицейские. К большому сожалению судебный процесс не дошел до нас, есть предположение, вполне вероятное, что он погиб во время пожара здания окружного суда в февральскую революцию. Поэтому мы не имеем возможности привести здесь показания и речи подсудимых на суде. Из неполного судебного следствия мы знаем, что сказала 18-летняя работница Марфа Яковлева. Она заявила, что в переднике подносила камни, помогала своим

братьям-рабочим. В результате получился каторжный приговор, который печатается нами полностью в настоящей брошюре. В общем все 29 человек (8 были оправданы) в общей сложности получили: 11 лет каторги, 9 лет арестантских рот и 57 лет тюрьмы.

Теперь несколько слов о предлагаемом сборнике. Он состоит: из брошюры «Обуховская Оборона» А. Б., вышедшей в Женеве в 1902 году и распространявшейся в России нелегальным путем. В ней по свежим следам описываются знаменательные события 7 мая 1901 г. — издание Заграничной Лиги русской революционной социал-демократии. Мы приводим также выдержки из другой нелегальной брошюры того времени — «Обуховцы», издание Союза русских социал-демократов. Приговор взят нами из архива временной канцелярии при министерстве юстиции по производству особых уголовных дел по поводу беспорядков на Обуховском сталелитейном заводе, № 347.

Кроме того, мы поместили и воспоминания живого свидетеля тех боевых дней — Вл. Пернафорта.

Отклик о событиях в России получил также должное освещение в международном масштабе. 30 декабря 1901 года в Брюсселе состоялась Международная Социалистическая Конференция, которая постановила послать братский привет русским рабочим борцам. Само собой разумеется, что пробуждение российского пролетариата имело огромнейшее значение для революции в международном масштабе, что тогда учитывали, а теперь позорно забыли вожди-социалисты.

Какое огромное значение придавал Ленин Обуховской обороне, ясно из его статьи «Каторжные правила и каторжный приговор», напечатанной им в № 10 «Искры» в 1901 году. В ней он пишет: «Нет, каторга не устрашит рабочих, вожаки которых не боялись умирать в прямой уличной схватке с царскими опричниками. Память об убитых и замученных в тюрьмах героях-товарищах удесятерит силы новых борцов и привлечет к ним на помощь тысячи помощников, которые, как 18-летняя Марфа Яковлева, скажут открыто: «мы стоим за братьев!». Правительство намерено, кроме полицейской и военной расправы с манифестантами, судить их еще за восстание; — мы ответим на это сплочением всех революционных сил, привлечением на свою сторону всех угнетенных царским произволом и систематической подготовкой общенародного восстания!»

Сколько было в этих словах веры в рабочий класс и грядущую революцию, которая в наши дни нашла свое завершение.

П. Куделли.

ОБУХОВСКАЯ ОБОРОНА. [1]

Опричники не умерли!...
Умрут они! Умрут!

I.

На 22 апреля «Петербургский Союз Борьбы» [2] назначил на Невском политическую демонстрацию рабочих всего Петербурга. В назначенный день на Невском собралось не более двух тысяч рабочих, и происходила демонстрация не рабочих, а русского самодержавия, заполнившего войсками, жандармами, полицейскими и дворниками весь Невский, все поперечные улицы, все дворы и закоулки. Так называемой «чистой» публики почти совершенно не было в этот день, так как о предстоящей демонстрации знал весь Петербург, и обычная Невская публика убоялась бойни.

Необходимо заметить, что за несколько дней до демонстрации начальник охранного отделения Пирамидов — со святыми о, господи, упокой! — произвел массовые аресты не десятками, а в буквальном смысле сотнями. Достоверно известно, что он тотчас же после 22-го хвастал перед высшими мира сего, что все петербургское пролетарское движение выеденного яйца не стоит: «стоило мне только перехватить несколько сот человек, в том числе десятка два вожаков, — и с такой помпой провозглашенная рабочая демонстрация рухнула!» Посмеивались также и разного рода либералы и отпускали всякие остроты по поводу революционного духа нашего рабочего. Но словно громом с ясного неба всех этих господ неожиданно поразила схватка с войсками рабочих Выборгской стороны и еще более страшная битва рабочих Обуховского завода. Перед всем этим, а особенно перед последней битвой студенческая демонстрация 4 марта показалась какой-то игрушкой: там, как только казаки бросились с лошадьми и нагайками в толпу, все было смято; тут же никто не отступил, а в течение 5 часов шла кровопролитная борьба, борьба не на живот, а на смерть. И все эти события произошли в короткий двухнедельный промежуток, следовавший как раз за вещими словами Пирамидова о выеденном яйце. Надеюсь, что его наследники таких глупостей больше говорить не будут.

---

[1] Нелегальная брошюра, напечатанная за границей и распространявшаяся в России в 1902 г.

[2] «Петербургский Союз борьбы за освобождение рабочего класса» — подпольная социал-демократическая организация того времени, популярная среди рабочих. *П. К.*

Итак, перехватить пару сотен человек и несколько десятков активных революционеров, — еще не значит задушить революцию в России, а революционная работа схваченных борцов не пропала даром, ибо почва, на которой они работали, не оказалась бесплодной. Более того. Не только не все руководители были до демонстрации перехвачены, но не было перехвачено даже и половины, да и недостающих тотчас заместили новые элементы. На Выборгской стороне, правда, ощущался в решительную минуту недостаток в руководителях, но зато на Обуховском заводе такого недостатка не было. Пирамидов рвал и метал — и ничего не достиг. Со всем своим многочисленным штатом шпионов и жандармов, со всей послушной ему полицией он не только не был в состоянии предупредить славную Обуховскую битву, но и не знал даже, что вообще что-нибудь готовится. А готовились к ней деятельно и серьезно в продолжении целой недели. Александровский пристав и его околоточные выглядели как облитые ушатом холодной воды, когда в достопамятный день 7 мая совершенно неожиданно для них стала разыгрываться буря. Кто после этого более в праве смеяться: мы — революционеры или господа Пирамидовы? Обуховская история до того интересна и во многих отношениях настолько поучительна, что, как участник ее, я не могу удержаться, чтобы не остановиться подробно на причинах, ее вызвавших, на времени, в течение которого она подготовлялась, на самом событии и его последствиях.

II.

Обуховский завод — казенный, «царский» и находится в ведении морского министерства. Число рабочих на нем достигает 6000 — 7000 человек. О порядках этого завода, надувательствах и издевательствах над рабочими я не стану много распространяться, так как они ничем не отличаются от таковых на частных. Скажу более. На казенном заводе личность рабочего еще больше попирается, так как начальство — все царские слуги: генералы, полковники, офицеры, а вместо фабричной инспекции, обязанной якобы защищать интересы рабочего, здесь назначен жандармский офицер, который блюдет исключительно интересы казны. А что с казной да с царем трудно тягаться — в этом обуховцы убедились долголетним горьким опытом. Сколько увечий было за все время существования завода и как мало увечных рабочих было удовлетворено! Подавать иск на казну приходится в казну же. Дело тянется два — три года, и в результате казна отказывает увечному, сваливая всю вину за увечье на рабочего. У кого просить справедливого суда над казной? Не у кого, так как она выше закона и может не исполнять его сколько ей угодно. Такое положение вещей отбивало у рабочего всякую охоту защищать свои права, и увечный входил с начальством завода в сделку, получая единовременно 10 — 15 руб. за увечье, которое превратило его в инвалида. Все-таки лучше, чем два года тягаться, а в результате нуль. Какой бы пакости над ними ни сотворили, рабочий должен был молчать из боязни перед мундирным царским чиновником. Чуть пикнешь, на тебя напустят вооруженную воинскую команду, которая, как впоследствии оказалось, всегда находится в готовности к услугам царского завода. Как видите, царские заводы пользуются немалыми преимуществами, и это превращает казенного рабочего в бесправное существо, раба.

Переходим теперь к ближайшим причинам, вызвавшим последующую бурю. Как известно, законом 2 июня 1897 г. был сокращен рабочий день. Закон этот явился результатом бурных рабочих стачек, охвативших в Петербурге несколько десятков тысяч ткачей. Но в законе этом была маленькая запятая: сверхурочная работа не была уничтожена совершенно, а разрешалась в некоторых необходимых для производства случаях. Через некоторое время последовало дальнейшее постановление, которым законное применение сверхурочных работ еще более расширялось. Словом, правительство все более и более стало п о ч е м у - т о напирать на сверхурочные работы. И эти работы стали всего более применять в широких размерах как раз на казенных заводах. Громадное большинство рабочих, в том числе и обуховцы, радовались только этому обстоятельству. Помилуйте, — сверхурочная работа дает возможность зарабатывать чуть ли не в два раза больше, чем прежде! Правда, незначительное меньшинство рабочих понимало правительственную хитрость, понимали ее также и интеллигенты, имевшие соприкосновение с рабочими, но большинство долгое время оставалось глухо к увещеваниях этих более сознательных элементов. Но мало-по-малу стали уменьшать расценки, которые незаметно в течение какого-нибудь полугодия понизились на 20, 30°/₀, а между тем заказов на заводе было масса, и работа кипела.[1]

Рабочие диву давались. Были единичные случаи протеста, но протестовавшие моментально удалялись из завода и замещались новыми. А благодаря промышленному кризису, безработный хвост у заводских ворот все увеличивался. Даже и «неученому» могло бы броситься в глаза соответствие между сверхурочной работой и понижением расценок, с одной стороны, и невероятным количеством безработных — с другой. Мало-по-малу в сознание рабочих стала проникать та простая мысль, что если бы они все вместе, а также рабочие других заводов не согласились на сверхурочную работу, то правительство в виду обилия заказов должно было бы установить ночную смену и вынуждено было бы обратиться к стоящим у ворот безработным. А раз безработных станет меньше, то заводская администрация не сможет с такой легкостью уменьшить расценки: ведь в случае протеста со стороны рабочих их не так-то легко можно будет заместить другими!

Прошло еще два года, и понижение расценок достигло ужасающих размеров. В виду того, что рабочие стали уклоняться от сверхурочной работы, летом прошлого года вышло заводское постановление, которым все рабочие, за редкими исключениями, обязывались выходить на сверхурочную работу не менее 3 раз в неделю. Тотчас же после этого постановления значительное число сознательных рабочих стали агитировать на заводе, стремясь склонить рабочих на забастовку. Хотя эта агитация имела значительный успех, но протеста все-таки не последовало. Прошел еще год. Расценки уменьшились в 2 — 3 — 4 раза; рабочие за 17-часовую беспрерывную работу стали получать такую же плату, какую они до закона 2 июня и до установления сверхурочных часов получали за 12-часовую. Таким образом, мы видим, что вынужденное под напором рабочих волнений уменьшить рабочий день прави-

---

[1] На Обуховском заводе, несмотря на промышленный кризис, было значительное количество заказов.

тельство тотчас же по издании закона задумалось над вопросом, как бы свести этот закон *на-нет*. Средство это нашлось очень скоро — имя ему *сверхурочная работа, которая в сущности представляет собою искусно замаскированный правительством фортель для увеличения рабочего дня.*

Приближалось 1 мая. Настроение было не из важных. Более сознательные рабочие не оправились еще от гнетущего впечатления от неудавшейся 22-го демонстрации. Да и промышленный кризис развернулся уже во всей своей ужасающей наготе. Рабочих сотнями выбрасывали на улицу, и передовые обуховцы опасались, что большинство товарищей не пойдет за ними в такое ужасное время. Хотя и было несколько собраний, но не было выработано общего определенного плана празднования. Решено было пока ждать. Между тем 1 мая не пришло на работу от 1000 до 1500 человек. Дня через два помощник начальника, полковник Иванов, стал помаленьку да полегоньку увольнять первомайских. Эта расправа взбудоражила всех. На заводе усиленно забродило. Последовало собрание за собранием — в лесу, на лугу, в квартирах; на некоторых из них присутствовали и интеллигенты. Собрания были очень бурные, настроение приподнятое. Решено было устроить забастовку, выставить требования и не дать начаться работе до полного удовлетворения. Нужно заметить, что и до 1 мая забастовка была решена в принципе. Решено было отложить ее для того, чтобы выработать план, который гарантировал бы успех дела. И план этот был выработан. Вот его основания: о затеваемом деле должны были знать только сознательные элементы и то такие, на которых можно было вполне положиться, что они не разболтают. Само собою разумеется, что до начала дела решено было никаких прокламаций к рабочим не выпускать. Прокламации были отгектографированы и за день до забастовки отданы на руки нескольким вожакам движения. Теперь самое главное: 7 мая утром рабочие, которым тайна была известна, в числе 200 — 250 человек должны были мало-по-малу выходить из своих мастерских и незаметно все вместе собраться к 11 часам утра в определенном месте завода. Здесь предполагалось раздать им прокламации, а затем они с прокламациями в руках должны были всей гурьбой двинуться в наиболее революционные мастерские и поднять их. А выросшей таким образом толпе в 800 — 900 чел. нетрудно будет поднять весь завод, даже если бы многих товарищей пришлось и «выкуривать» из-под станков. Таков был план, и он был выполнен блестяще. Правда, дело сошло не так легко, как предполагалось: рассчитывали, напр., поднять завод в $1^1/_2$ часа, а на это в действительности потребовалось 2 часа. Были моменты, когда некоторые из борцов впадали в отчаяние — им казалось невозможным поднять серую массу; но эти трудности еще более подчеркнули то значение, которое может иметь на громадном заводе сознательное, более или менее организованное, хотя и незначительное меньшинство. К ужасу ничего не чаявшей администрации завода и всех блюстителей порядка села Александровского Обуховский завод, много лет спавший непробудным сном, поднялся как один человек, и могучая лава рабочего люда высыпала на проспект. Куда девалось обычное рабочее смирение! Один рабочий тыкал полковнику Иванову в самый нос каким-то неудовлетворенным прошением об увечьи, другой громогласно высчитывал ему по пальцам его грешки, третий говорил, что ему место на скамье подсудимых.

Вдруг раздалось такое грозное «вон», что царский слуга, весь увешанный царскими орденами, полковник Иванов, должен был улепетнуть и искать спасения у своего кучера на конюшне.

Между тем собралась полиция близлежащих уголков. Теперь полицейские не позволяли себе, конечно, никаких насилий по отношению к рабочим, так как чувствовали все свое ничтожество перед рабочей армией. Выискался, впрочем, один околоточный, некий Костюшко-Валюжнич, который по старой памяти и из желания выслужиться обратился к рабочим с *требованием* разойтись. Он со своим требованием казался в настоящую минуту смешным не только рабочим, но и своим товарищам-полицейским. Встретив единодушный смех, Костюшко в ярости выхватил шашку; но тут подскочил к нему молодой рабочий, выхватил шашку и резанул его ею по лицу, а затем, изломав тут же в куски, бросил. В это же время кто-то из раздраженной толпы бросил в него камнем и выбил два зуба. Так беззубый Костюшко и удалился опозоренный с поля битвы, оставив свою изломанную шашку в назидание прочей полицейской сволочи. Последняя, благодаря полученному уроку, держала себя затем тише воды, ниже травы.

Еще до этой истории, тотчас после позорного бегства Иванова, о случившемся было дано по телефону знать начальнику завода, генерал-майору Власьеву, находившемуся с 1 мая в отпуску и бывшему в то время в городе. Нужно заметить, что начальник пользовался у рабочих большим уважением. Его считали человеком, хотя слабосильным, но добрым и отзывчивым. По прибытии Власьева рабочие окружили его и стали выяснять ему причины своих волнений. К нему лично они-де всегда питали уважение, даже любовь, но злые люди, в роде Иванова, забрали его в свои руки и, излагая ему все в извращенном виде, ворочали им по-своему. Его личные качества долгое время отчасти удерживали их от протеста. Им казалось, что они уладят все мирным путем, но горький опыт убедил их, что нельзя им зависеть от чьей-нибудь доброй воли. Они решили поэтому заменить мир *войной*, просьбу — *требованием*. Теперь их выслушивают, с ними беседуют, а что было раньше?! Считая его, однако, и до сих пор человеком порядочным, они настоятельно просят его не допустить прибытия войск, так как они опасаются, как бы раздражение рабочих не вылилось в кровопролитную свалку.

Власьев был, видимо, очень тронут таким к себе отношением рабочих. Он благодарил их за сохранение спокойствия и обещал сделать все возможное для того, чтобы полиция больше не раздражала их, а войска не были присланы. Что же касается их требований, то в виду их серьезности (празднование 1 мая, 8-часовой рабочий день и т. д.) он не может самолично удовлетворить их, а должен посоветоваться в морском министерстве, в ведении которого находится Обуховский завод. И он поехал в город, к высшему правительству, к министрам!..

Часа через два после его отъезда из города прискакали дикари в образе казаков, конных жандармов и полицейских, всего около 150 человек с полицеймейстером Палибиным во главе. Не встречая по всему тракту никакого сопротивления, они в селе Александровском принуждены были умерить свой наезднический пыл, которому помешали густые толпы народа, а у самого завода их совершенно остановила плотная стена рабочих. Военная команда попробовала было *приказать* рабочим разойтись, но этот приказ был встречен

всеобщим смехом и уничтожающими шутками по адресу полковника и казаков. Помня, как конница смяла студентов и курсисток у Казанского собора, Палибин приказал ей ринуться с нагайками в толпу, но она не произвела тут ожидаемого переполоха и была осыпана целым градом камней. Конные казаки и полицейские принуждены были позорно вернуться на свои прежние места.

Между тем, рабочие стали переходить из оборонительного положения в наступательное. Шаг за шагом отступали войска, жандармы и полиция перед непреодолимым натиском рабочих. Наконец, последние вплотную придавили первых к заводу, и дальше уже некуда было итти. Тем временем участковый телефон неустанно работал и беспрерывно призывал из города все новые подкрепления. Город не заставлял себя, конечно, долго ждать, и в селе скопились полицейские чуть ли не всех городских участков. Наконец, к 6 часам вечера прибыл новый военный отряд в количестве 200 человек. Вплоть до прибытия последнего отряда рабочие сохраняли свое господствующее наступательное положение — положение победителя. Даже и теперь царские слуги — в количестве 600 человек, все с головы до ног вооруженные — вряд ли могли бы справиться с рабочими, если бы полковник Палибин не приказал стрелять. Что выстрелы были произведены без всякого предупреждения — это не подлежит никакому сомнению. Притом стреляли не только по проспекту направо и налево, но также и в окна домов. Точно установить невозможно ни числа убитых, ни раненых, в виду того, что их тотчас же подхватывали и увозили на пароходе в город. Достоверно только известно, что трое убиты на месте, тяжело раненых было не менее 20 человек. Только впоследствии мало-по-малу узнавалось, что тому раздробило кость, тот истек кровью, тому попало пулей в живот, в таком-то доме пулей у трехлетней девочки оторвало губу, а мальчугану прострелили лоб, что такая-то мать близка к сумасшествию и т. д. Выстрелы заставили рабочих броситься врассыпную. Но битва еще только начиналась. Не прошло и 15 минут, как на войска неожиданно со всех сторон посыпался целый град камней, песку, дров и всевозможных заводских инструментов. Дело в том, что, оставив улицу, рабочие не сложили оружия. Два громадных флигеля карточной фабрики были ими немедленно превращены в баррикады. Забаррикадирован был также громадный двор, примыкающий к этим зданиям, и весь заводский переулок. Восторжествовавшие было царские слуги были ошарашены этим сюрпризом. Они ломились в двери флигелей, карабкались по темным коридорам, но скоро вылетали оттуда стрелою, избитые и окровавленные. Они стреляли, но вместо людей попадали в столы, комоды, кровати и проч.

Поминутно скакали по направлению к участку выбитые из строя казаки и жандармы с окровавленными лицами, пробитыми головами, а по проспекту и другим улицам бегали роты солдат форсированным маршем с барабанным боем, стараясь наводить страх на женщин, подростков и взрослых рабочих, не участвовавших в свалке и сидевших по домам. Нередко дикари нападали с голыми шашками на беззащитную, ни в чем неповинную женщину или на шедшего по улице дряхлого старика и избивали их до полусмерти; но нередко бывало также, — пара конных жандармов или казаков очутится в толпе рабочих или возле какой-либо засады и получает по заслугам. А вдали, у завода время от времени раздавались выстрелы, и бившиеся под защитой баррикад

борцы и не думали сдаваться и беспрерывно сыпали на своих врагов кучи камней. Барабанный бой, выстрелы, груды песку и камней, кипучая деятельность за баррикадными окопами, убитые и раненые... В воздухе пахло революцией.

Но баррикадные борцы не были в состоянии долгое время выдерживать натиск вооруженного врага. Хотя прекратившие к тому времени работы рабочие Александровского завода и работницы карточной фабрики (всего около 2000 чел.) братски помогали своим товарищам-обуховцам, однако в рукопашной забаррикадной схватке пустые руки рабочих не могли померяться с вооруженной шашкой, нагайкой и ружейным прикладом рукой царского башибузука.

Будь у стоявшей возле завода 20-тысячной толпы огнестрельное оружие, царское правительство принуждено было бы выслать на борьбу с нею 20-тысячное войско; а будь у всей боровшейся за баррикадами тысячи рабочих кинжалы и сабли, для взятия баррикады необходимы были бы не 600, а 5000 солдат. Но громадное большинство рабочих в поведении своем надеялось на чью-то добрую волю — не то начальника завода, не то министра Сипягина, не то царя. Им, должно-быть, казалось, что тот царь, который недавно так торжественно приглашал все народы на мирную конференцию, не станет же избивать своих собственных граждан. А между тем, если бы рабочие не замыкались в скорлупу своих фабричных интересов, они могли бы предвидеть эту печальную неожиданность. Если бы они несколько более интересовались явлениями окружающей жизни, то видели бы, какими бесчисленными нитями связана с ними эта далекая от них внефабричная жизнь; они знали бы тогда истинную цену этому лицемерному призыву царя к миру, поняли бы и многое другое; они знали бы, что за два месяца до Обуховской истории была (4 марта) такая же история у Казанского собора, что полиция и казаки избили тогда до полусмерти студентов, виновных только в том, что им душно стало жить в нашей затхлой, мертвящей атмосфере и захотелось свободы. Они знали бы далее, что министр внутренних дел Сипягин издал 12 марта циркуляр по департаменту полиции по поводу «казанского избиения»: министру мало тех омерзительных безобразий, которые происходили; он делает полиции строгий выговор за то, что она не действовала с достаточной энергией; приказывает ей на будущее время бесчинствовать без удержу. Губернаторам и градоначальникам он советует не церемониться с толпою и не медлить употреблением огнестрельного оружия. Рабочие знали бы также и главную причину, побудившую министра к изданию этого циркуляра: по городу ходили зловещие слухи, что фабричные подымаются, а в Москве, Харькове народ уже показал себя; и своим циркуляром министр метил главным образом в рабочих. Эти рабочие узнали бы о министре, действовавшем с ведома царя, а о самом царе они узнали бы из газет, что «Государь император сделал строгий выговор члену государственного совета князю Вяземскому за вмешательство в действия полиции в день 4 марта». Известно, что Вяземский случайно был 4 марта в Казанском соборе и, видя отвратительное побоище, заступился за студентов. Несколько дней по городу ходили слухи, что Вяземский пошел к царю жаловаться на бесчинства полиции, но царь его не принял. Многим рабочим как-то не верилось, — неужели и сам царь? Но появившийся вскоре в «Правительственном Вестнике» вышеприведенный выговор рассеял все сомнения, и для всех стало ясно, о т к у д а в с е и с х о д и т. Итак повторяю: если бы рабочие

не думали, что все и вся должно для них заключаться в борьбе с фабрикантами, и поняли бы, что и вне фабрики у них есть значительные интересы, тогда они знали бы, что вся беда сосредоточивается не в околоточном надзирателе, приставе и казаках, а в высшем правительстве — царе и его прислужниках. А, зная это, обуховцы не были бы поражены неожиданностью и за промежуток времени от начала забастовки до прибытия войск подготовились бы к встрече посланных царем башибузуков, а не тратили бы драгоценного времени на разборку мостовой в *момент* прибытия войск. Как бы там ни было, но рабочие, и не подготовившись, славно боролись на баррикадах. Правительственные войска торжествовали, правда, после долгих усилий, победу; но само правительство далеко не торжествовало. Во всяком случае эта победа была для правительства далеко не веселой, так как она показала одновременно силу сопротивления рабочих и невольно наводила на мысль, что еще несколько таких побед, и из победителя можно превратиться в побежденного. Дальнейшие события показали, что даже теперь правительство далеко не держало себя как победитель.

III.

Наступил вечер. Все как бы замерло в селе Александровском. Только патрули там и сям шныряли по главному проспекту, напоминавшему о событии дня. Но кто вздумал бы заглянуть в более отдаленные углы и закоулки и во внутрь домов, населенных рабочими, тот увидел бы совершенно другую картину: там многочисленные кучки людей возбужденно обсуждали злобу дня и из уст рабочих лились проклятия. Эти проклятия направлялись не только на головы исполнителей, но и на главных виновников события. Сознательным рабочим не приходилось много говорить, — их понимали и без слов. Громадное большинство требовало мести — оно хотело ночью разнести участок и потребительную лавку. Много труда стоило более сознательной части удержать своих товарищей от подобного поступка. Наконец, ей удалось убедить их пощадить теперь свои силы, а затаенную злобу и ненависть приберечь до другого раза.

На следующий день всем как-то сразу бросилось в глаза полнейшее отсутствие на улицах не только жандармов и казаков, но даже обыкновенных полицейских. По всему видно, что свыше приказано было не раздражать рабочих. Последние собирались совершенно свободно по улицам в кружки, обсуждали положение дел. А на третий день пополудни появилось печатное обращение начальника к рабочим: вначале он объявляет, что с настоящего момента он по приказу министерства вступает лично в управление заводом.[1] Далее он выражает глубокое прискорбие по поводу печальных событий; затем он просит рабочих собраться через несколько дней на завод, выбрать своих *представителей* (по два от каждой мастерской), которые пусть и предъявят ему свои *требования*. Он заверяет рабочих честным словом своим, что выборы могут производиться вполне свободно и открыто, что как теперь, так и после никого из рабочих или из их представителей (депутатов) не тронет ни заводская администрация, ни какая-либо другая власть — словом, что они

[1] Он был с 1 мая в отпуску, и заводом управлял Иванов.

неприкосновенны. Под конец он *просит* рабочих взяться за работу. Об Иванове в этом объявлении не упоминалось ни словом, как-будто его и не существовало. Чрезвычайно характерно то, что объявление не только было расклеено, но и вручалось заводским рабочим на всех улицах и разносилось им на дом. В субботу около 6000 рабочих отправились на завод и приступили к выборам. Это было грандиозное *истинно-народное* собрание; *истинно-народное* потому, что это право собираться для выборов не было *подарено* рабочим, а *отвоевано* ими, и благодаря этому отсутствовало всякое давление свыше. Рабочие удалили из мастерских всех мастеров и подмастерьев; удалили также всех тех, кого подозревали в шпионстве, и не допускали присутствия полицейских. По удалении всех этих нежелательных элементов было приступлено к выборам, которые сопровождались самой широкой агитацией.

В этот знаменательный день совершенно не работали, и весь он был посвящен выборам и выработке требований. При выборах и не думали руководствоваться указанием начальника — по 2 от мастерской, а выбирали по своему собственному разумению — и по одному, и по 2, и по 3 от мастерской, смотря по числу рабочих. Самые выборы продолжались битых 3 часа, и избрано было 26 представителей. Затем было приступлено к выработке требований. Тут воочию сказалось то громадное отличие, которое существует между более сознательными рабочими, участвующими в разных кружках и организациях, и тем, к сожалению, большинством, которое никогда не задумывалось более или менее серьезно над своим положением, никогда не искало средств к выходу из этого положения. Между тем как первые выставляли ясные, продуманные, вполне определенные требования, последние (т.-е. большинство) постоянно путались, хотя бесконечно жаловались на свою судьбу, тем не менее никак не могли понять главных, основных причин своих несчастий и терялись в мелочах (в требовании кипятку и т. п.).

Из этого, конечно, не следует, что выработанные серьезные требования явились требованиями *только* организованного меньшинства. Нисколько. Когда более сознательные рабочие, предлагая требовать 8-часовой рабочий день, выясняли тут же все те благие результаты, которые связаны с установлением такого дня, тогда и масса неорганизованных рабочих с жаром присоединялась к этому требованию. Когда сознательные рабочие требовали внесения в табель празднования 1 мая и при этом указывали на великое объединительное значение этого мирового рабочего праздника, тогда и значительная часть неорганизованного большинства начинала понимать, что рабочим действительно надо было бы завоевать такой рабочий праздник.

Таким образом, при помощи развитых товарищей выбросили всякие неподходящие мелкие требования, и желания всех были объединены в 13 пунктах. У меня, к сожалению, нет под рукой списка этих требований, но я хорошо помню главные из них. Вот они:

1. Внесение в табель праздников празднования 1 мая.
2. Установление 8-часового рабочего дня.
3. Узаконение ежегодных выборов заводских представителей-рабочих наподобие выборов этого года.
4. Возвращение всех товарищей, взятых полицией и размещенных по тюрьмам, и возвращение уволенных 1 мая товарищей.

5. Удаление помощника начальника Иванова; удаление некоторых мастеров и подмастерьев.
6. Хорошее обращение с рабочими.
7. Повышение поденной платы чернорабочим на 25%.
8. Увеличение расценок.
9. Уничтожение сверхурочной работы.
10. Постоянное обеспечение вдов и сирот убитых.

И еще несколько требований, которых, к сожалению, не припомню.

Избранные представители отправились на поляну и там, расположившись под открытым небом, приступили к обсуждению этих требований и выработали подробную к ним мотивировку. Нечего и прибавлять, что выборы служили предметом разговоров не только в Александровском, но и далеко за его пределами. И не мудрено.

В понедельник рабочие пошли на работу, а представители отправились к Власьеву. Долго продолжалось совещание, так долго, что, когда в 12 часов был дан обеденный гудок, рабочие стали беспокоиться за участь своих выборных и, остановившись густою стеною у заводских ворот, потребовали к себе своих представителей. Последние принуждены были показаться своим избирателям и успокоить их насчет исхода переговоров. Только после этого рабочие спокойно разошлись. Наконец переговоры кончились, и представители с резолюцией вышли к огромной народной толпе, дожидавшейся на заводском дворе. Десять требований удовлетворены б е з у с л о в н о; что же касается празднования 1 мая, то Власьев разъяснил, что он за последние дни был уполномочен министерством разрешить это празднование всем ж е л а ю щ и м, так что впредь ни один рабочий, не явившийся 1 мая на работу, не может быть ни уволен, ни оштрафован, внести же этот день в табель праздников он самолично не имеет права, а посоветуется с министерством. Не уполномочен он также министерством установить 8-часовой рабочий день, он может своею властью уменьшить рабочий день на полчаса или час, и только. Но так как рабочие представители настаивали на этом требовании, то начальник обещал представление об этом внести в совет министров. Все же остальные требования удовлетворены. Министерство уполномочило его даже удовлетворить требование (если таковое будет) об обязательном страховании рабочих заводом. Власьев уверил представителей, что он и понятия не имел о тех творящихся на заводе безобразиях, что он в первый раз услыхал об этом из их уст. Он обещал даже немедленно удалять всякого мастера и подмастерья, которые будут позволять себе грубости по отношению к рабочим. Словом, победа была почти полная. Обуховцы воочию убедились, что рабочие — с и л а; и хотя впоследствии их ожидали жестокие удары судьбы, но эта победа и это убеждение никогда, я уверен, не изгладятся из их памяти и постоянно будут вызывать их на новую борьбу.

Почти два месяца обуховские рабочие пользовались плодами своей геройской победы. Любопытно было заводить в это время беседы с серым, недавно оставившим деревню людом и со стариками, которых, по образному выражению самих рабочих, приходилось «выкуривать из-под станков». «Вольготно жить стало», «раньше мы совсем не чувствовали, что мы люди», «спасибо молодым, что отстояли рабочего человека», «а мы-то — дураки — как огня боялись своего начальства и полиции», «мы и взаправду раньше думали, что

если помощник начальника или полковник — значит великий барин, а теперь и сами видим, что просто свинья»; «без кулака ничего не добьешься». Такие и подобные ответы можно было слышать на каждом шагу. Всякие авторитеты сильно потеряли в своем величии в глазах даже обыкновенного рабочего, который взамен их приобрел непримиримую ненависть ко всяким власть имущим.

Но неожиданно для всех, среди такого душевного подъема, явился Иванов и занял свое прежнее место на заводе, а вслед за этим в мастерских появилось объявление, гласившее, что в депутаты могут выбираться только лица не моложе 25 лет, прослужившие на заводе не менее 5 лет, кроме того, они должны быть поставлены в полную зависимость от мастеров. Возмущенные рабочие прекратили работу 7 июля. Они находились в томительном ожидании и недоумевали, чем кончится эта правительственная выходка. А кончилась она так, как можно было ожидать только от бесстыдного, бесконтрольного царского самодержавия.

В одно утро жители Александровского узнали, что глубокой ночью были схвачены 250 человек рабочих и почти в одном белье ночью же отправлены в город и размещены по тюрьмам. То же случилось и в следующие две ночи, так что в несколько дней было перехвачено около 800 человек, в том числе, конечно, и все рабочие представители. Правительственная политика вполне выяснилась во всей своей грязной наготе: два месяца оно шпионило и, наметив все опасные элементы, перехватало их и избавилось таким образом от крамолы. Не беда, если при этом два месяца приходилось лгать, лицемерить, — лишь бы цель была достигнута. А начальник завода и на этот раз вывесил объявление, но — сообразно с новым приказом свыше — уже совсем другого характера. «Так как, — писал он, — р а б о ч и е н е с д е р ж а л и с в о е г о с л о в а, то он считает все прежние обещания и уступки как бы несуществующими, а кто не желает работать на старых условиях, тот немедленно получает расчет» (и немедленно же, прибавим от себя, в избежание смуты высылается Клейгельсом на родину). Рабочие читали это объявление и ничего не понимали: кто не сдержал? где? когда? Но так как большая часть организованных рабочих была перехвачена, то работы на заводе после угроз начальника возобновились. Правительство победило: оно начало н а с и л и е м, но так как одного насилия оказалось недостаточно, то кончило насилием и о б м а н о м.

IV.

Тем временем правительство готовило «правый» и «милостивый» суд над ними — рабочими, которых оно без разбору выхватило из толпы во время памятной майской битвы. Как уже было упомянуто, начальник дал честное слово рабочим представителям, что все размещенные по тюрьмам товарищи будут выпущены на свободу и обратно приняты на завод. И их действительно вскоре стали выпускать целыми десятками, так что рабочие были того убеждения, что все товарищи будут выпущены, но они и здесь были обмануты начальником и правительством, которое изготовило для 37 оставшихся «праведный» обвинительный акт.

Что же это за обвинительный акт! В нем очень пространно описывается все майское событие, но что ни слово — то ложь, что ни фраза — то мерзость. «Достоверными» свидетелями являются заводские сторожа, городовые, околоточные надзиратели, помощник пристава Келин и шпионы. Несмотря на то, что у завода стояла 20-тысячная толпа рабочих, «достоверные» свидетели всякий раз слышали, кто что сказал, ясно и точно замечали, какой рабочий бросил камень, против кого этот камень направлялся, и в какую часть тела он попадал. Само как бы понимая, сколь мало достоверными покажутся эти достоверные показания достоверных лжесвидетелей, правительство, дабы придать обвинению более правдивый вид, старается набрать несколько показаний против одного и того же рабочего; такого-то мол заметил не только такой-то шпион, но и такой-то дворник и такой сторож; или такого-то заметил не только такой-то дворник, но и сам помощник пристава Келин. Тут уж, конечно, рассеются всякие сомнения в истинности показаний! Сам Келин! А знаете ли вы, кто такой Келин? Всем александровцам он очень хорошо известен как прилизанная полицейская крыса, аккуратно получающая ежемесячные взносы от всех домовладельцев и лавочников, а если кто из сих последних окажется тугим на кошель, то г. Келин уже найдет, к чему придраться, и сделает «акт». Вот этот-то всем известный взяточник Келин и является самым достоверным из всех правительственных свидетелей.

Нет никакой физической возможности разбирать весь этот «достоверный» обвинительный акт, так как он целиком представляет собой одну сплошную наглую ложь. Для того, чтобы оправдать факт стрельбы и убийств, в акте сказано, что рабочие первые стали стрелять. *Это безусловная ложь.* У рабочих, к их глубокому сожалению, не было огнестрельного оружия, и они поэтому не могли стрелять. Для таких же оправдательных целей было сочинено и все остальное. Вот этот-то обвинительный акт, составленный в конце июля, был в последних числах сентября представлен в Петербург, в судебную палату. Свидетелями на суде были все те же обуховские дворники, сторожа, шпионы, городовые, околоточные надзиратели, сам г. Келин, полицеймейстер Палибин, помощник начальника, достославный Иванов и другие в том же роде. Суд происходил при закрытых дверях. Наперед можно было предсказать, чем все это кончится. На суде «все защитники резали хорошо, — пишет один из осужденных товарищей, — а ничего не вышло. Свидетели против нас врали, путали (как им было не путать, раз защитники ежеминутно уличали их во лжи!), и на все прокурор нуль внимания; говорит: я буду верить первым показаниям (т.-е. «достоверному» обвинительному акту), потому что они все позабыли. Много, много тут было несправедливостей, и ни на что не обратили внимания».

Суд приговорил Антония Гаврилова на шесть лет каторги, Анатолия Ермакова на 5 лет каторги, 27 человек (в том числе многих несовершеннолетних и двух 18-летних девушек) в арестантские роты и тюрьмы от 2 — 5 лет, а 8 оправдали для того, чтобы соблюсти невинность. «Не тех на каторгу, — пишет другой осужденный, — что убивали, а тех, кто сами рисковали быть убитыми. А разве это единственный случай, или что-нибудь новое, неслыханная жестокость? Каждый день и по всем закоулкам России творятся еще даже худшие жестокости. Только это происходит там, где-то за кулисами, не режет нам глаз... нет, ты, похоже, не чувствовал своего бессилия, не задыхалась от злобы при подобных фактах, конечно, я должен сильнее чувствовать, чем ты — сильнее, чем я сам, если бы был на свободе. Но ведь это понятно, почему! Ведь у меня на глазах все эти «преступники», «бунтовщики». Ведь я день и ночь слышу над собой кашель и бесконечные шаги и над собой — вверху и внизу — всюду слышится это воплощение тюрьмы. Ведь ты только слышишь о насилии, а я стою лицом к лицу с ним, его ежеминутно перед глазами; если бы и хотел, то нет сил отвернуться. Мы здесь разговариваем, шутим, смеемся, а стоит только коснуться до больного места, — хотя бы такого факта, как этот суд, — и мы ненормальные люди, мы — бешеные». Мне нечего прибавлять к этим строкам: они полны отчаяния, но еще больше полны *непримиримой злобы и ненависти. Царский приговор не в силах был, дорогие товарищи, вытравить из вас вашего вольного духа, не вытравит его и каторга; не в силах будет также царское правительство помешать тому, чтобы ваша самоотверженная майская борьба никогда не изгладилась из памяти всех русских рабочих и всегда призывала их на новую борьбу!*

V.

Так кончилась обуховская история. Что же она показала рабочим? Она показала прежде всего, что *наше самодержавное правительство уже и в настоящее время не твердо держится на ногах своих.* Чем в самом деле другим, если не шатанием правительства, можно объяснить то обстоятельство, что почти все требования обуховских рабочих были вначале удовлетворены, и последние пользовались своей победой почти два месяца? Чем другим можно объяснить то, что никто не посмел воспрепятствовать обуховцам устроить в мае свое *свободное* выборное собрание? Почему правительство не выслало войска против семянниковских рабочих, которые в количестве 6000 забастовали через несколько дней после обуховцев? Почему оно ничего не предпринимало против заволновавшейся в то же время и шумно ушедшей с работы части рабочих фабрики Паля и Александровского сталелитейного завода? Почему, наконец, полиция и жандармерия держала себя после памятной обуховской битвы тише воды и ниже травы, а все войска попрятались, и начальство не вознаграждало пострадавших в бою полицейских?[1] Все это потому, что обуховцы дали отпор — отпор такой, какого не ожидало правительство. Также и потому, что благодаря геройской обороне обуховцев заволновались и другие крупные заводы и фабрики, в особенности после выпущенной Петербургским Союзом борьбы прокламации, призывавшей к борьбе всех петербургских *рабочих* подняться с протестом против циркуляра Сипягина. Правительство на первое время растерялось. Оно увидело, что городской рабочий — не все выносящий деревенский крестьянин, что насилие по отношению к рабочему

[1] Достоверно известно, что околоточный Костюшко-Валюжнич, которому выбили 2 зуба и изранили лицо, тщетно просил свое начальство зачислить его в комитет для пострадавших.

является обоюдоострым оружием, которое может попасть в самого насильника. Убедившись во всем этом, правительство решило выработать новый способ действия, так сказать, новую правительственную *тактику*. Само собой разумеется, — когда правительство задумает что-либо новое, подданные должны всегда быть настороже. И нам поэтому более чем интересно ознакомиться с этим новоиспеченным правительственным планом.

Даже и не тонкому наблюдателю мог бы броситься в глаза необычайный за последние 6 — 7 лет подъем революционного настроения среди рабочего населения. Вынужденное под давлением грандиозной стачки 60 000 петербургских ткачей в 1896 — 1897 гг. издать закон 2 июня 1897 г., правительство вслед за тем постаралось свести его на-нет и решило мерами грубого насилия искоренить зачатки рабочего движения. Наступила эра диких преследований, направленных как против самих рабочих, так и против революционной интеллигенции, пропагандировавшей и агитировавшей в рабочей среде. Но хотя волновавшиеся рабочие тысячами высылались на родину, хотя вожаки их переполняли тюрьмы и уходили в Восточную Сибирь, тем не менее агитация и пропаганда все усиливались, а само движение беспрерывно крепло. Все чаще приходилось высылать войска против «бунтовавших» рабочих, которые хотя усмирялись, но в то же время затаивали глубокую ненависть против правительства. Своими преследованиями правительство добилось того, что от чисто экономических требований к фабриканту рабочие стали переходить к требованиям политическим — свободы собраний, союзов, слова, печати, совести, неприкосновенности личности и т. д. Обуховская битва окончательно убедила правительство, что ему не задавить рабочего движения, не уничтожить «революционной гидры». Убедившись в этой печальной для себя истине, правительство решилось само *стать руководителем рабочего движения*: оно не только теперь разрешает, а даже само предлагает устраивать кассы взаимопомощи, созывает рабочие собрания, на которых обсуждаются всякие, касающиеся фабрично-заводского быта, вопросы и выбираются рабочие представители для защиты интересов рабочих на фабриках и заводах; правительство чуть ли не готово теперь предложить рабочим соединяться в профессиональные союзы. Все это уже проводится правительством через посредство жандармов Зубатовых, Сазоновых, Васильевых, и такая политика, вероятно, распространится и на другие фабрично-заводские центры. «К чему вам, — говорят теперь эти господа рабочим, — волноваться, бунтовать и прислушиваться к революционной пропаганде и агитации? Мы сами разрешаем и предлагаем вам делать все, что вы хотите! Вам нечего теперь бояться каких-либо преследований, — само правительство за вас!» Предложение воистину заманчивое! Нет больше кутузки, нет больше Сибири! Собирайся, говори, выбирай и делай все, что угодно, под крылышком любвеобильного правительства!

Если рабочие Обуховского завода ознакомятся со всем этим правительственным планом и отеческими предложениями, то изумлению их не будет границ. Не разберут они вот чего: раз правительство так любовно относится к рабочим, что все им разрешает и предлагает, почему же это самое правительство в июле лишило обуховцев отвоеванных ими в мае ежегодных собраний для выбора рабочих представителей? Почему это московским рабочим предлагают собираться для выбора депутатов и обсуждения всяких вопросов, а обуховцев в то же самое время лишают этих собраний и вдобавок выхватывают из их среды 800 самых лучших товарищей, садят их по тюрьмам и высылают на родину? Что же это такое!? Дело, видно, не совсем ладное.

Да, тут действительно что-то неладно, и обуховцы не напрасно изумляются. Надо быть настороже! Необходимо разбираться в этой правительственной путанице, чтобы не попасть впросак. При этом разборе, быть может, окажется, что между *требованиями* обуховцев и *предложениями* правительства существует *кое-какая* разница.

Чего же собственно добивались обуховские рабочие? Они ясно сознали, что заводская администрация — будь то царские слуги, генерал-майор Власьев и полковник Иванов, или какой-нибудь частный предприниматель — об интересах рабочих не заботится. Сознав это, обуховцы решили затем от сознания перейти к делу, к борьбе и завоевать для своих заводских интересов свое самостоятельное представительство. При этом они настаивали, чтобы выборы были совершенно *независимыми*, т.-е. чтобы на выборные собрания не смели приходить ни жандармы, ни полицейские, ни шпионы, ни мастера и никакая власть. Далее, они требовали, чтобы выбранные представители были *неприкосновенны*, — это значит, что ни заводское начальство, ни правительственная власть не смеют удалять из завода или арестовать ни одного представителя по какой бы то ни было причине. Рабочие или, по крайней мере, передовая их часть отлично понимали, что оба эти дополнения — *независимость выборов и неприкосновенность депутатов* — столь существенно важны, что без них все их требования сводятся ни к чему и принесут рабочему не добро, а зло.

Как же могло отнестись к этому требованию рабочих наше самодержавное правительство? Могло ли оно удовлетворить его? Конечно, нет! На опыте других стран оно убедилось, что сознание рабочих рано или поздно разбивает узкие рамки фабрично-заводской жизни и выходит на широкое социально-политическое поприще. И это происходит потому, что рабочий класс эксплуатируется и угнетается не только на фабрике и на заводе, а всюду, т.-е. во всех проявлениях капиталистического строя. Сознание нашего рабочего класса уже выходит за пределы узкого фабрично-заводского кругозора, а сознание передового его отряда уже вышло за эти пределы. Вот этого-то больше всего и пугается наше правительство. В самом деле, что ежели на *свободном* собрании при *независимых* выборах *неприкосновенные* рабочие представители не только коснутся фабрично-заводского отношения труда к капиталу, а направят взоры своих товарищей и на другие, хотя и внефабричные, но не менее эксплуатирующие и угнетающие их стороны жизни? Далее, чем гарантировано правительство, что рабочие, на опыте убедившись, что их фабрично-заводские интересы лучше всего отстаиваются их собственными представителями, — чем, повторяю, правительство гарантировано, что эти рабочие не потребуют представительства рабочих для охранения своих интересов от всяческих других — внефабричных — эксплуатаций и угнетений? Я постараюсь пояснить эти рассуждения несколькими примерами.

Петербургская городская дума, заведующая всем городским хозяйством столицы, нуждается, конечно, в средствах для ведения этого хозяйства. Знают ли рабочие, что из их тощего кармана ежегодно переходит в городскую кассу около $2^1/_2$ миллионов руб. (сборы больничный, адресный и за прописку

паспортов), между тем как со всех торговых и промышленных заведений Петербурга городская касса взимает 2 миллиона руб., что, следовательно, все промышленники и торговцы, эксплуатирующие рабочих, вносят в городскую кассу на три четверти миллиона меньше, чем эксплуатируемые ими рабочие? Знают ли рабочие, что в последнем счете большая часть сборов в пользу города падает на рабочий класс? А что последний получает взамен своей трудовой копейки? Почти ничего!

А кто заправляет всеми городскими делами? По правительственному городовому положению 1892 г. хозяевами города являются правительственные чиновники и крупные торговцы, фабриканты, заводчики и домовладельцы. Вот эта-то незначительная кучка людей избирает своих представителей в городскую думу, вся же остальная масса городского населения не имеет в думе никаких представителей, — эта масса дает только деньги, но ее деньгами распоряжаются другие. В Петербурге по последней переписи числится полтора миллиона жителей, а горожан, имеющих право выбирать депутатов в думу, всего только 6900, — весь рабочий класс лишен этого права. Теперь, кажется, ясно, что рабочие эксплуатируются не на одних только фабриках и заводах, но также и при ведении городских дел. Вполне естественно, что, сознав это, рабочие и для себя потребуют права посылать депутатов в городскую думу, при чем число рабочих представителей должно быть гораздо больше числа представителей от капиталистов и домовладельцев, так как рабочих больше, и *городская касса кормится главным образом их трудовой копейкой*, а дела, решаемые в городской думе, очень существенно затрагивают интересы рабочих (школы, больницы и т. п.). Но придется ли это требование рабочих по вкусу правительству?

Для второго примера возьмем государственные доходы и расходы. Тут мы наталкиваемся на еще более чудовищную картину. Оказывается, что более двух третей государственных доходов выколачивается правительством из голодающего крестьянства и городских рабочих. Теперь посмотрим — на что уходят эти грандиозные доходы. А вот на что: 1) 417 миллионов рублей поглощает военное и морское министерства, т.-е. миллионное войско, которым правительство пользуется *для избиения студентов* и для борьбы с рабочими (обуховцам этого доказывать не нужно!); 2) 88 миллионов рублей — на министерство внутренних дел, т.-е. на жандармов, сыщиков, полицейских, земских начальников (для порки крестьян) и проч.; 3) 274 миллиона рублей — на уплату процентов по государственным долгам, а эти долги были сделаны главным образом *для военных целей* и для проведения железных дорог, при чем казенные миллионы щедро раздавались всякого рода хищникам. Словом, около 800 миллионов рублей тратится нашим правительством на всяческие подтягивания и угнетения.

А на специально народное образование — для многомиллионного крестьянства и городских рабочих — правительство расходует каких-нибудь 4 миллиона рублей, для поддержания крестьянского хозяйства около 3 — 4 миллионов. 7 — 8 миллионов *для* народа, а 800 миллионов *против* народа! Хотя государственный бюджет держится в почтенном отдалении от фабрики и завода, но он очень чувствительно бьет рабочего человека по карману и способствует его порабощению. Если рабочий разобьет свою заводскую скорлупу и станет лицом к лицу со всей окружающей его жизнью, то он

неминуемо и беспрерывно будет наталкиваться на городское, государственное и всякие другие управления, которые эксплуатируют и угнетают его не только не менее, но даже больше, чем фабрика и завод. Кто знает, быть-может, рабочие потребуют и своего участия в городском и государственном управлениях, подобно тому как они требуют теперь своего участия в чисто заводских делах? Правительство наше понимает, что не только *быть-может*, а *наверное* потребует, и — ох! — как пугается оно такого оборота дел. Потому-то оно пуще огня боится всего того, что могло бы помочь рабочему оглянуться кругом, — оно боится всяких *свободных* собраний, всяких *независимых* выборов, всякой *неприкосновенности* рабочих депутатов.

Далее. Вы помните, что на *свободном* майском собрании обуховцев зашла речь о праздновании 1 мая, при чем рабочие потребовали внесения этого дня в табель праздников. Кому неизвестно, что этот мировой рабочий праздник означает единение рабочих всех стран с целью ниспровержения капиталистического строя и установления строя социалистического, где все орудия производства, все земные блага и политическая власть будут принадлежать всему народу, а не кучке капиталистов и придворной клике. Понятно, что самодержавие, желая остаться самодержавием, изо всех сил будет противиться узаконению праздника, предвещающего падение того же самодержавия. Если бы правительство явилось в роли руководителя рабочего движения, т.-е. если бы рабочие собрания зависели от доброй воли самодержавия, то последнее не только не допустило бы рабочих до *требования*, но даже до *обсуждения* вопросов в роде празднования 1 мая, государственного управления и т. д.

Даже более. Правительство изо всех сил будет препятствовать проведению и таких требований, которые, хотя и имеют прямое отношение к эксплуатации рабочих на фабрике, но в то же время существенно затрагивают интересы правительства. В самом деле, на своем свободном собрании обуховцы провели требование 8-часового рабочего дня. Установление такого дня означает ограничение эксплуатации рабочего на заводе. Но ведь правительство наше само является крупнейшим заводчиком, и не в его интересах ограничивать какую бы там ни было эксплуатацию. К тому же правительству очень выгодно защищать эксплуататорские интересы и частных капиталистов, так как длинный рабочий день служит прекрасным средством к отуплению рабочего, убиванию в нем всякой энергии, — рабочий до того тогда поглощен мыслью о куске хлеба, что ему некогда почитать книгу, некогда интересоваться каким-либо вопросом, а ведь этого-то и домогается правительство.

Рабочие Обуховского завода выставили три чрезвычайно важные требования: 1) введения 8-часового рабочего дня, 2) внесения в табель празднования 1 мая и 3) установления *независимых* выборов *неприкосновенных* рабочих депутатов. Все эти требования, как известно, были в июле отвергнуты правительством, которое, вероятно, в скором времени предложит обуховцам такие же собрания, какие оно предложило уже их московским товарищам. Но обуховские рабочие понимают, какая глубокая пропасть лежит между тем, что хочет дать рабочим правительство, и тем, что требовали они сами. Не может не понимать этого и всякий другой более или менее мыслящий рабочий. И можно смело надеяться, — наш рабочий класс поймет, наконец, что *интересы самодержавного правительства*

прямо противоположны интересам рабочих, — он не поддастся на правительственную удочку и с презрением отвергнет милостивые подарки самодержавия. Рабочие не нуждаются в милости. У них есть другое средство — борьба. Борьбой они заставили правительство и капиталистов пойти на уступки, борьбой же они добьются осуществления своих заветных грез.

А. Б.

7 МАЯ 1901 ГОДА НА ОБУХОВСКОМ ЗАВОДЕ.

Тяжело было материальное положение рабочих Обуховского завода. Низкая оплата труда неквалифицированных рабочих, как-то: чернорабочих, крановщиков и других, получавших в месяц около 15 рублей. В то время даже машинисты получали от 70 до 80 к. в день. Ко всему этому надо еще прибавить грубое отношение как высшей, так и низшей администрации. Особенно отличались помощник начальника Иванов, он же «Маргаритка», прозванный так рабочими, мастер минной мастерской М. М. Канакотин и его помощник Адам Брейдо, Брунк, Молотов и Бухей-отец и сын из ремонтных мастерских. Квартирные условия тоже заставляли желать лучшего. Квартиры, заселенные чернорабочими и крановщиками (Троицкий пер. и «Корабли»), были переполнены народом всех возрастов. В небольших комнатах помещались 3 — 4 семейства. Люди жили как животные. Жилищная обстановка их состояла из самодельной кровати, пары досок на подставках, табурета и одного стола на все семейство, живущее в комнате. Везде в таких квартирах можно было видеть кучу детей грязных, неумытых.

Все вместе взятое раздражало рабочих и вызывало справедливое негодование. Культурных очагов в виде рабочего клуба или библиотеки-читальни тогда почти не было. Было в то время на территории завода здание одноэтажное, в котором, с разрешения заводской администрации, устраивались часто рабочими свадебные балы и иногда наш присяжный лектор — заведывающий минной мастерской, инженер-технолог Павел Николаевич Сильверсван читал лекции с туманными картинами о строении земного шара или еще что-либо другое. Иногда, а это бывало в рождественские каникулы или на масляной неделе, заведывающая вечерними классами для рабочих в селе Александровском (помещались в земской школе у Лесной деревни) Евгения Валентиновна и Григорий Михайлович Григорьев (физик), заранее подготовив с учениками старшего технического класса (Краснов, Аранович, Петров, Поляков, Конст. Иванов и друг.), читали нам по ролям в этом зале произведения Грибоедова «Горе от ума», Гоголя «Ревизор», «Женитьба», или «Как Иван Иванович поссорился с Иваном Никифоровичем». И это было единственное наше разумное развлечение.

Были еще вечерние курсы для рабочих. Школа стала завоевывать симпатии среди рабочих села Александровского. При записи на прием в школу осенью половине желающих приходилось отказывать. Сначала курсы помещались в земской школе, а с увеличением числа посещающих их в 1900 г. перевели в здание Обуховской школы. Школа уже понесла жертву. В 1898 г.

был арестован и впоследствии сослан в Смоленскую губернию на 3 года — фрезеровщик из полевого отдела (мастерской) Обуховского завода и ученик вечерних классов Василий Яковлевич Яковлев (брат Марфы Яковлевой по процессу Обуховской обороны).

Благодаря усиленным сверхурочным работам на Обуховском и Александровском сталелитейных заводах (бывш. Берда) не все учащиеся могли регулярно посещать школу. Из посещающих школу стали формироваться небольшие группы, делиться мнением о прослушанном уроке и при неясности обращаться к учителю. Удивляла нас физика «Происхождение грома». Многие думали, что это Илья-пророк на колеснице катается. Физик Гр. Мих. Григорьев объяснял другое; интересовала нас химия, разные реакции, история и литература. Стали ребята советовать друг другу читать ту или другую книжку, ходить друг к другу в гости. И вот начались беседы в школе, чтение книг на дому и хождение к приятелям тоже на беседы о прочитанном и кое о чем другом. Стали создаваться кружки. Таким образом, работая на Александровском сталелитейном заводе, учась в школе, в 1899 г. я попал в кружок, в котором, насколько помню, было человек пять: Костя Иванов, Иван Токарев, Борис Воробьев, Ник. Петров, Мих. Поляков. Вскоре наш старый кружок распался. Поступил я в минную мастерскую Обуховского завода в 1900 г. Стал больше зарабатывать. Стал покупать книги. Вступил в другой кружок. Посещая меня, товарищи не стеснялись разговаривать обо всем. Отцу моему это не нравилось. Частые недоразумения происходили между мной и отцом из-за товарищей и покупки ненужных (по мнению отца) книг, от которых люди «зачитываются до сумасшествия или их ночью увозят в темной карете в Петропавловскую крепость и там бросают в мельницу, где измельчат и выбросят в Неву». Я выехал в конце 1900 г. к товарищу по организации Иустину Шнитовскому.

Через несколько времени прошел слух в школе и мастерской среди некоторых ребят, что в мастерских были найдены листовки, в которых извещалось, что в воскресенье (марта 4) на Невском проспекте будет демонстрация студентов и рабочих. В прокламациях призывали рабочих выступить. В воскресенье утром встретился с ребятами в паровой конке: Манн, А., Ермаков, Шотман, Задонский, они ехали на демонстрацию на Невский проспект. Об этих ребятах я раньше и не думал, что они были активные. После демонстрации круг знакомства расширился. На заводе стали чаще появляться листовки «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», помимо нашего кружка. Наш кружок состоял из рабочих Александровского сталелитейного завода: Як. Калинин — снарядная мастерская, Коркин и Михаил Задонский — гильзовая мастерская Обуховского завода, я — из минной мастерской, Иуст. Шнитовский — ремонтная, Сергей Любимов — котельная. К нам еще входили женщины, имевшие свой кружок, с Карточной фабрики: Дуня Орлова, Лиза Кузьмина (она же Горина). Мария Яковлева (сестра Марфы Яковлевой), с фабрики Торнтон и Мария Александровна Яковлева (с одним глазом).

Постепенно выяснилось, что у нас на заводе есть еще организации в других мастерских, члены которых имелись почти в каждой мастерской.

К демонстрации 4 марта 1901 г. завод был засыпан листовками с призывом и рабочим присоединиться к студентам в общем деле.

4 марта было в воскресенье. День был хороший, народа было много. Среди густой массы гуляющих по Невскому проспекту, у Казанского собора можно было заметить кучку рабочих разных районов, между собой разговаривающих и друг друга приветствующих.

После демонстрации 4 марта пропаганда и агитация на заводе пошла еще усиленнее. Демонстрация создала много разговоров по мастерским завода. Многие были на стороне демонстрантов. Началась усиленная подготовка к 18 апреля по новому стилю, а по заграничному к 1 мая. Было много роздано и распространено путем разбрасывания и расклейки листовок «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» с призывом в ближайшее после 18 апреля воскресенье выступить организованно на демонстрацию в день общерабочего праздника и показать самодержавию и буржуазии свои организованные силы вместе с заграничными товарищами рабочими. Демонстрация не удалась, и потери были. Некоторых товарищей арестовали. После этой демонстрации в наши ряды стали вливаться, путем привлечения раньше распропагандированных товарищей, свежие силы. Наступало 1 мая по старому стилю. Еще усиленнее и успешнее пошла пропаганда социалистических идей и подготовка к 1 мая. Появление рабочей заграничной газеты «Искра», которую читали и сочувствующие, нас очень воодушевило, и мы стали еще энергичнее. Помимо рабочих, у нас на заводе в некоторых мастерских были прикомандированы на практику матросы, состоящие на действительной службе. Матросы были в станочной, минной, полевой и пушечной мастерских. Вот на них мы и налегли. Помимо разговоров, бесед общих, мы их снабжали разной легальной и нелегальной литературой. Легальные — разные брошюры, а нелегальные — «Пауки и мухи», «Сон под 1 мая», «Хитрая механика», «Мал золотник, да дорог», «Подпольная Россия» и специальная военная, подобранная интеллигентами.

К 1 мая шла лихорадочная работа по всему Петербургу по подготовке к забастовке. По поводу забастовки в день 1 мая выяснилось, что навряд ли она пройдет у нас, так как на Обуховском заводе и Карточной фабрике много старожилов, которые работают по 20 — 30 лет с основания фабрики и завода и живут оседло в своих домах и казенных домиках, а на фабрике Торнтон очень мало сознательных рабочих и работниц. Поэтому мы решили провести демонстрацию в виде невыхода на работу 1 мая. Даже некоторые товарищи матросы согласились с нами в этом деле. Накануне 1 мая среди организованных ребят были устроены собрания, на которых было выяснено, как отметить 1 мая на заводе. Выяснилось, что сочувствующих празднованию 1 мая много, но нерешительность к забастовке большая. Ясно было, что забастовка не пройдет. Тогда мы предложили желающим праздновать 1 мая не выходить на работу, хотя бы взяв накануне увольнительную записку. И вот поведенная в этом духе агитация дала успехи, и за день до 1 мая завод был усеян прокламациями о значении праздника 1 мая для рабочих. Результат был хороший. 30 апреля пошли вереницы рабочих к мастерам за увольнительными записками, а так как записки стали брать перед шабашем, перед окончанием работ, то мастера не знали, как им быть, и давали всем увольнительные. Высшая администрация хорошо знала, что на заводе должно что-либо произойти, так как завод был наводнен накануне 1 мая листовками печатными и написанными на пишущей машинке. Собрались 30 апреля вечером

некоторые кружки, а потом и их представители: Шотман,[1] Малышев,[2] Юников, Ермаков и другие и постановили: выйти утром к воротам завода и уговаривать не итти на работу. Утром пришли к главной проходной и увидели здесь Павла Ивановича (жандарма, по прозвищу «Паук»), нашего районного околоточного Лесневича и несколько пеших городовых. Мы переговорили с некоторыми товарищами, и они не пошли на работу.

На другой день по заводу пошли слухи, что все не вышедшие на работу 1 мая будут уволены, а через день — другой уже окончательно было известно, что будут увольнять по группам. Первая группа намечена из замочной мастерской (от мастера Черткова), где был подмастерье, нетерпимый всеми за клевету на рабочих помощнику начальника Иванову. Первая группа намечалась от 70 — 90 человек. Было много хлопот и беготни по мастерским, выясняли настроение массы, как на все это она реагирует. Наконец, была выбрана делегация к начальнику завода, в каком количестве—не помню, входили в нее не наши ребята, а старожилы, но хорошие парни. Требование было: заявить начальнику завода Власьеву, что если он будет увольнять за 1 мая хотя бы одного рабочего, то мы забастуем все, как один. Начальник заявил делегации, что из всех неработавших будут рассчитаны те, кто не работали по неуважительным причинам. Рабочие заволновались. Да и было чего волноваться. Создалась неразбериха. И вот мастера стали сводить счеты с нежелательными для них рабочими. Состоялось совещание рабочих в черте завода, на пробной яме; от каждой мастерской были выборные. Было решено в понедельник, 7 мая, утром, собраться в деревянной пристройке у полевого отдела (уборная кирпичной и глиномяльной мастерской), выработать требования для предъявления начальнику завода и забастовать всем.

В субботу после получки рабочие разошлись с настроением, что в понедельник будет забастовка. В субботу и воскресенье на кружковых собраниях обсуждался вопрос о забастовке, которая для нас была вопросом решенным. Но как бастовать, как начать — никто не знал. В нашем кружке был слесарь и медник из ремонтной мастерской Иустин Шнитовский, который ходил для исправлений кранов и другого ремонта в кочегарку, где находился гудок (заводский свисток). Он взял на себя дать тревожный гудок для скорейшего выхода рабочих из мастерских, а на дворе их надо было задержать, объяснить причину забастовки, потребовать начальника завода и предъявить требования.

Утром 7 мая в условленном месте собралось немного народу, приблизительно из 18 цехов собралось всего 15 — 20 человек. Мы полагали, что придет гораздо больше. На этом собрании были почти все свои ребята: Юников и Иван Семенович (ныне Муравьев) Кармазов, Шурупов, Ерофеев — минная мастерская, Шотман и Морозов — полевой отдел, Шнитовский — ремонтная, замочная — Чукаев, Петушков, Малышев, С., Пав. Брюхов, пушечная мастерская — Грибков и С. Молотов и другие ребята. Никто больше не подошел. Решили после обеда во что бы то ни стало забастовать,

---

[1] Шотман ныне работает в Москве, он написал книжку «Воспоминания подпольщика», в которой описывает Обуховскую оборону.

[2] Малышев Сергей — ныне красный купец, председатель ярмарочного комитета на Нижегородской ярмарке.

а чтобы не быть, как сейчас, в малом количестве, — объявить всем своим ребятам и сочувствующим притти пораньше после обеда к главным воротам завода, задержаться и задерживать других, как и чем можно до последнего гудка, и если соберется небольшая группа рабочих — вызвать начальника завода Власьева и предъявить ему требования. Организованные ребята должны были притти к главным воротам у проходной конторы к первому гудку и разделиться на три группы. Первая группа должна сидеть на канавке у ограды церкви, задерживать как-нибудь рабочих и даже затеять между собой возню или борьбу. Вторая группа — у самых ворот, у входа, тоже начнет возню между собою и тем создаст пробку для желающих пройти в завод, а третья за воротами задерживала уже пришедших. Всех идущих останавливали, заговаривали. Создавались группы. Были у нас на заводе двое рабочих, слывшие чудаками на все село Александровское, это — «Ануха» (прозвище) и «Костя Черешок». У канавки затеяли борьбу между собою и «Костей Черешком», а у главных ворот заговорили с «Анухой». Во дворе завода, недалеко от ворот, тоже стояла группа, это больше сочувствующая публика и пожилые. Когда прогудел последний гудок, ворота закрылись, и тут только кончили возню. Напором ворота открыли и собрались все в кучу. Вышел Фома Кармазов (слесарь минной мастерской) и громким голосом объяснил, для чего мы собрались. Стали громко звать начальника завода. Ряды наши стали редеть, остались самые активные ребята завода, человек 100. Никто на наш зов не шел, тогда послали двух делегатов. Организованные рабочие предлагали предъявить требования, выработанные уже организацией, но оказалось, что товарищ, который переписал их печатными буквами, оставил переписанное в рабочей блузе, а на работу вышел в другом костюме — почище. Вышло замешательство, из которого вывели нас Кармазов и Шурупов. Они стали записывать, а мы по памяти предлагать, и набралось 12 — 14 требований.

Пришел помощник начальника завода Иванов. Стали кричать: «долой Иванова», «долой Маргаритку!» Наиздевавшись над Ивановым, мы ему предъявили требования. Иванов читал внимательно, но когда дошел до требования его уволить, то повернулся и говорит: «эти требования удовлетворить нельзя, вы, пожалуй, потребуете и министров уволить».

Ему стали отвечать, что и царя скоро погоним. С помощником начальника Ивановым ни до чего не договорились и просили вызвать начальника завода Власьева. Власьев не замедлил явиться, — в парадной форме, при орденах, в сопровождении помощника начальника Иванова и нескольких сторожей. С появлением начальника завода, наши ряды еще стали уменьшаться. Мы требовали категорического и незамедлительного ответа на наши требования, и начальник обещал передать их сейчас же в морское министерство и через день — два сообщить ответ.

Рабочие стали расходиться.

В мастерской не работалось. Немного времени спустя влетает в нашу мастерскую молодняк из станочной и снарядной мастерской; подлетели к мотору, раз-раз, за маховик — мотор стал, к другому — тоже, третьи — за звонок, побежали наверх, там тоже остановили. Бежит заведующий мастерской, инженер-технолог П. Н. Сильверсван и подмастерье Адам Брейдо и уже схватили ретивого паренька за руку по указанию сторожа. Пареньки оказа-

лись деловыми, и их отняли. Засвистели, закричали: «бросай работы, выходи на двор!»

Когда мы вышли из мастерской, нас уже было много. Вышли три мастерские. Слышим гудит гудок, да не по-настоящему, а как тревожный, три раза прогудел, а это значило для жителей села Александровского, что где-либо пожар. Мы-то знали, что свои ребята делают это для скорейшего вызова рабочих из мастерских. Прошли к полевой мастерской, видим — рабочие валом валят домой. Некоторые рады были этому случаю, что забастовали, так как дело было после получки.

Дома я застал своего товарища Шнитовского умывающимся. Стал и я умываться и переодеваться на праздничный вид. Вышли мы на улицу. Пошли по направлению к заводу. По Петровскому переулку шли работницы Карточной фабрики и рабочие Александровского и Сталелитейного завода. Их заставил кончить работы молодняк нашего завода, дошли до конки, повернули назад. У ворот завода был усиленный наряд пешей полиции. Идя от конки по направлению к заводу и до второго флигеля Карточной фабрики, услышали: трах-трах-трах. Мы бегом к месту стрельбы. В это время из пивной «Зеленая Роща» выбежал по направлению к церкви рабочий котельной мастерской тов. Панков с поднятыми руками и криком проклятия по адресу стреляющих матросов. Еще раз грянул залп. Панков как бежал, так и упал врастяжку на мостовую во весь рост. Пули просвистали по крышам и карнизам противоположных домов, слышно было, как посыпалась штукатурка, шум кровельного железа. Но одна из пуль попала в т. Панкова. Когда мы подбежали к Панкову и перевернули его, то увидели на шее рану. Пуля вышла на-вылет. Панков был мертв. Мы его взяли за ноги и руки и понесли в больницу. Подошел еще кто-то.

Перешли на другую сторону, к дому начальника, для того, чтобы пройти мимо матросов и показать им их трофеи и заметить рожи стреляющих. Вдруг видим из подъезда выбегает с взъерошенной головой, фуражка козырьком на бок заведующий броневым отделом Берсинев. Подбежал к помощнику начальника Иванову и закричал: «Кто приказал стрелять? Кто вызвал матросов?» и, взяв за погон Иванова, тряс его. Ни один матрос не был мне знаком, а их было человек 18 — 20. Это были матросы с полигона, а не наши заводские. Было очень грустно. Панкова унесли в больницу. На углу Церковного переулка и проспекта всегда стояли большие группы народа, а сегодня было больше обыкновенного, матросы дали три залпа, а убитых только 1 — 2 чел. и столько же раненых.

После стрельбы матросов, народ с улицы куда-то попрятался, а как только матросы стали уходить, им вдогонку посыпались проклятия. Через некоторое время видим — едут конные городовые; заполонили они весь проспект. Городовых был целый эскадрон во главе с толстым начальником. Доехали до завода под свист и крик стоящих рабочих, посылающих им проклятия. Начальник эскадрона отделился с двумя городовыми, поехал к проходной. Поговорив с кем-то из полицейских, он вернулся к своему эскадрону и отдал приказ; я услыхал: «. . . кучи разгонять, собираться не давать».

Эскадрон разделился. Часть поехала в Мурзинку, часть к Ново-Александровской улице. Народ стал покрикивать на городовых, называть их опричниками, фараонами и проч. Городовые побежали к группе стоящих людей, про-

сили разойтись. Выходивших из трактира «Вена» или пивнушек рабочих городовые просили расходиться, неслушавшихся и выступавших с протестом городовые заставляли нагайками разбегаться. Городовые подъехали к троим рабочим, вышедшим из трактира «Вена», те обнялись и пошли с пением к Ново-Александровской улице. Городовой что-то сказал им, они продолжали петь. Второй раз им сказал, они обругали его и продолжали петь. Городовых было трое. Один переехал тротуар, заехал с одного бока, другой сзади, а третий с другого бока и, окружив рабочих, давай их бить нагайками. Мы с противоположной стороны улицы стали кричать на городовых, ругаться. Городовые бросили стегать пьяных, подъехали к нам и давай нас стегать. Мы с Шнитовским прижались к воротам первого домика Карточной фабрики и закрыли головы пиджаками и руками, а два дюжих городовых наскакивали на нас. Почему они нас оставили стегать — не знаю, но слышим — у одного лошадь оступилась в канаву.

Отъехав на середину проспекта, городовые злорадно ухмылялись. Мы же стояли, мучимые злобой, избитые и поруганные, не чувствуя никакой боли, кроме обиды. Народ, разодетый в чистую одежду, гулял по тротуару, видел, как нас били, и посылал городовым проклятия, но вмешаться не решался. Городовые поехали к Ново-Александровской улице, мы пошли потихоньку в том же направлении и не упускали из виду этих строптивых городовых. На тротуаре (мостках) стали появляться наши ребята. Вот тут-то мы и давай отчитывать городовых. Вся гуляющая публика ополчилась на эту свору. Дав доехать им до шлагбаума, ребята смекнули, пропустили несколько городовых и сейчас же с обеих сторон опустили тяжелые шлагбаумы, служившие для преграждения движения по шоссейной дороге. Часть конных городовых попала между шлагбаумом и при опускании его некоторым городовым пришлось получить удар как себе, так и лошадям. Мы стали над ними смеяться, дразнить, а когда последовала команда обнажить шашки, то с нашей стороны посыпался град камней на них. Затем они бросились к выходу из шлагбаумов по направлению к Бердовскому переулку, где стояло много молодежи. Мы бросились врассыпную по стенкам домов и забора. Добежали до калитки и ворот Карточных флигелей и сейчас же за собой закрыли ворота.

На дворе (большой двор) играли дети и стояли, разговаривая между собою, работницы. Народу вбежало порядочно, человек 20. Тут была и своя братва. Городовые, гнавшиеся за нами, понеслись мимо забора, а так как забор был редким, построен из реек, то всадники на лошадях равнялись с забором по плечо. И вот, вбежав во двор, мы стали брать камни и бросать в проезжающих городовых. Лежавшие груды кирпичей мы быстро разбросали. Нам подносили камни две работницы Карточной фабрики Марфа Яковлева и Лидия Бурчевская (вместе учились в школе).

Не стало ни булыжников, ни кирпичей, стали выкапывать булыжник из мостовой двора. Выворачивая камни из мостовой, я заметил, как малыш сидит между сторожевой будкой и забором и стреляет из рогатки по городовым. Я отнял у него рогатку, а его — 10-летнего революционного стрелка — поднял и посадил в открытое окно коридора и велел уходить, а то убьют городовые, но он в ответ сказал, что у него еще есть рогатка, и он опять будет стрелять, показав мне при этом свинцовые шрапнельные пули. Пули я от него отобрал за серебряную монету, а ему велел итти стрелять по городовым из окна кори-

дора второго этажа. В нашу сторону послышались выстрелы. Одного ранили в пятку, а другого в руку. Потом произошла заминка. Наши взобрались на забор и стали поглядывать на улицу. В это время на другой стороне у стены дома выстраивались городовые с револьверами в руках и по стенкам домов по обеим сторонам улицы ползли городовые с револьверами. Кто-то из ребят, стоя на заборе и дразня их, раскрыл грудь и просил стрелять в него, если им не жаль страдающих и умирающих рабочих и их детей. Атака вновь началась. Кто-то из нас попал в голову их начальника Палибина. Многим городовым попало. После этого по нас началась стрельба с боков и прямо.

Видим, дело становится плохо, камней уже нет, а стреляющие подбираются к задвижке калитки; мы бросились врассыпную.

Оказалось, что после стрельбы по нас с обеих сторон улицы из ограды Троицкой церкви и Троицкого переулка полетели в городовых камни и кто-то стрелял. Городовики попали под перекрестный огонь. Если бы у нас были камни и связь с товарищами, то мы были бы победителями. У ворот одного дома стояла группа рабочих с женами и рассуждала о случившемся. У ворот завода в проулке стояли солдаты в серых шинелях, маленького роста. Это — солдаты Омского полка. Из разговоров с ними оказалось, что солдаты не знают, зачем их сюда пригнали, и что они должны были уехать на свое место в другой город. Мы старались им объяснить в чем дело, убедить их в нашей правде. Солдаты были безразличны. Они разделились по три-четыре человека и пошли патрулями по всему селу Александровскому до деревни Мурзинки и всем улицам.

Часов в 11 — 12 флигеля Карточной фабрики окружили конные и пешие городовые. Во дворе стояли кольцом с винтовками солдаты внутри здания, в квартирах производили обыски городовые. Войдя в квартиру, спрашивали, кто тут мужского пола, где он, если дома, поднимали с кровати, искали под кроватью, в шкафах, чуланах, сундуках и в русской печке. У всех смотрели на руки и, если они грязные, выводили на двор в кольцо солдат. Так был арестован больной К. Стефан (Костя Пруссак). Мой отец был арестован за то, что у него были руки грязные. Он доказывал им, что он слесарь Карточной фабрики и работает по ремонту машин, и руки у него всегда от красок грязны. Был арестован и выведен на двор. Все протесты на то, что во время боя рабочих с городовыми его не было, не помогли.

Все мужское население обоих флигелей от 16 лет было арестовано и выведено на двор. Всех арестованных окружили солдаты с винтовками и повели на берег у Бердова завода, там уже стояла приготовленная барка, и буксир повез всех вниз по Неве в Пересыльную тюрьму. Немногие из арестованных были освобождены, многие были высланы, а некоторые попали в процесс «Обуховское дело» и получили наказание.

Завод не работал долго. Жители Карточной фабрики ходили к начальнику завода и просили его освободить невинно арестованных. Он обещал им по возможности. Местный жандарм Павел Иванович (наш «Паук») плел свою паутину. Он ходил по квартирам флигелей, распивал кофе и принесенную с собой с белой головкой водку с некоторыми словоохотливыми хозяйками и выспрашивал обо всех намеченных им уже заранее квартирах. Помимо массового ареста были и частичные с частных квартир. Это уже происходило по указанию администрации и околоточного Лесневича. Так мы не досчи-

тались своих ребят: Кармазова, Шурупова, Ермакова, Юникова, Синицына и многих других. Некоторые сами уехали, дабы не быть арестованными: Шерман, Задонский Мих.

Завод не открывали. Пошла вторая неделя. За это время боевое настроение стало спадать. Кредит, открытый в общественной лавке на две недели, кончился. Кое-кто из старожилов-стариков ходили к начальнику просить об открытии завода, они же встречали его у подъезда, когда он уезжал или приезжал из города, и просили о том же.

Наконец, было вывешено объявление у ворот завода, в котором извещалось об его открытии. На работе первые дни приходилось вести себя аккуратно. Все боялись собираться у чьего-либо станка по два — три человека. В другие мастерские к товарищам мы не ходили, дабы не напоминать о себе и не раздражать стариков, которые очень любезно разговаривали с администрацией, а на нас смотрели со злобой.

Так кончилась наша первая забастовка на Обуховском заводе, которая, можно сказать, была первая вообще на этом заводе.

Вл. Пернафорт.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СЛЕДСТВИЕ ПО ДЕЛУ ОБ «ОБУХОВСКОЙ ОБОРОНЕ».[1]

I.

Сего числа охранным отделением добыты сведения о том, что за несколько дней до беспорядков, имевших место на Обуховском сталелитейном заводе 7 сего мая, на заводе этом появился некий студент Нарушкевич,[2] вступивший в сношения с некоторыми рабочими и раздававший им какие-то воззвания. Приняты меры к розыску и задержанию названного лица, но до 12 часов сего дня место жительства его не обнаружено.

К производству предварительного следствия по 263 ст. улож. о нак. об оказанном рабочими сопротивлении властям на Обуховском заводе, а равно и о покушении на убийство сторожа названного завода приступлено сего числа судебным следователем по важнейшим делам округа С.-Петербургского окружного суда Кузминым, под наблюдением товарища прокурора С.-Петербургской судебной палаты Грединтера.

Мая 8 дня 1901 г.

II.

При производстве предварительного следствия по делу о беспорядках, происходивших 7 мая 1901 г. на Обуховском сталелитейном заводе, выяснено, что, начиная с 21 апреля текущего года, на означенном заводе разбросано было значительное число воззваний преступного содержания. В числе лиц, занимавшихся распространением таковых, обратил на себя внимание рабочий Анатолий Гаврилов, задержанный на месте преступления еще в последних числах апреля месяца и тогда же переданный заводскою администрацией в распоряжение полиции. После этого брожение началось 1 мая в станочной мастерской завода, куда около 70 рабочих в указанный день не явилось на послеобеденные работы. За это нарушение 26 из них 5 мая уволены по распоряжению исправлявшего должность начальника завода подполковника Иванова и вопреки советам командированного в Севастополь начальника завода генерал-

[1] Приводимый следственный материал о выступлении рабочих Обуховского завода в 1901 г. взят нами из дела № 347 за 1901 г. временной канцелярии при министерстве юстиции по производству особых уголовных дел и печатается впервые. *П. К.*

[2] Кто был студент Нарушкевич — установить не удалось. *П. К.*

майора Власьева. В первый после сего рабочий день 7 мая, утром в упомянутой мастерской рабочие стали шуметь, требовать прекращения работ, даже забастовки. При этом особенно выделялись своею решительностью рабочие Михаил Федоров и Василий Чернышев, которые, по удостоверению начальника мастерской, инженера Демидова, настаивали на необходимости забастовки и произносили фразы, свидетельствовавшие о том, что они успели ознакомиться с социалистическою агитацией.

На дворе завода беспорядки начались того же 7 мая, около 2 часов пополудни, но первоначально рабочие стали быстро успокаиваться и расходиться под влиянием увещеваний всеми любимого генерал-майора Власьева, который, однако, обратил внимание на то, что в числе нескольких сот рабочих, требовавших сокращения рабочих часов и увеличения платы, особенно деятельную роль играли рабочие Борисов, Юников, Кармазов и Шурупов, из коих некоторые даже заявляли, что если «действовать», то не мешает порвать сперва телефонные и телеграфные проволоки. Как только генерал-майор Власьев удалился, рабочие вышли на улицу и стали снова собираться кучками, при чем многие из них с дерзостью настаивали на своих прежних требованиях и угрожали подошедшему к ним подполковнику Иванову, который, к сожалению, не проявил достаточной сдержанности и заявил, что они все будут рассчитаны и подвергнуты тяжкому наказанию. Тем временем толпа все росла и собиралась перед заводом, в который некоторые из них снова пытались проникнуть, а так как сторожа этому препятствовали, то рабочий Ковальский финским ножом нанес одному из сторожей, фейерверкеру Куренкову, три раны в голову и в шею (означенный Ковальский тотчас был арестован).

Прибывшие тем временем жандармы и городовые, по приказанию полицеймейстера, полковника Палибина, трижды пытались рассеять толпу, но каждый раз встречены были градом камней, которыми они, по удостоверению чинов полиции, запаслись еще 5 и 6 мая, разобрав мостовую на дворе соседней Карточной фабрики. Некоторые чины полиции (в том числе полковник Палибин) получили повреждения, и положение их стало настолько серьезным, что подполковник Иванов вызвал с противоположного берега Невы находящуюся там матросскую команду, состоявшую из 36 человек, из которых 20 были вооружены ружьями, заряженными боевыми патронами. Когда матросы прибыли, то подполковник Иванов и пристав Шлиссельбургского участка Сафонов обратились к заведывающему командою боцману Заставному, сказав ему, что, в случае насилий со стороны рабочих, необходимо будет стрелять.

Вслед затем рабочие стали бросать камни в матросов, а пристав Сафонов, по заявлению Заставного, сказал: «теперь можно стрелять». Некоторые матросы приняли эти слова за команду и открыли огонь, но Заставный тотчас остановил их и принял на себя командование, после чего даны были два залпа и выпущен 71 патрон. Одним из первых выстрелов убит рабочий Максимов и ранен 12-летний сын рабочего Евдокимов (умерший в ночь на 8 мая). Залпами же ранены рабочие Волосевич, подошедший к трупу Максимова, и Кухаренис, находившийся у открытого окна одного из соседних домов, а также Осипов и чертежник Сулимов, стоявшие в толпе. После этого, в начале шестого часа вечера вся толпа разогнана была жандармами и быстро разбежалась. Однако единичные случаи бросания камней из-за заборов

повторялись и позднее, в виду чего патрули подошедшей на завод роты Омского пехотного полка и конно-полицейских городовых произвели между 8 и 9 часами вечера несколько выстрелов, одним из которых ранен у своей квартиры ходивший за хлебом и не участвовавший в беспорядках рабочий Рожков, который умер 9 мая.

По словам подполковника Иванова и других чинов заводской администрации, самое энергичное участие в бросании камней и возбуждении толпы принимали рабочие Иван Иванов и вышеназванный Анатолий Гаврилов, ранее арестованный за распространение прокламаций, но вновь появившийся на заводе 7 мая. Сверх того в беспорядках участвовали также и побуждали толпу к забастовке рабочие Александр Шеффер, Чукаев, Роберт Шульц, Чайков, Александров и Самбуров. Таким образом, зачинщиками беспорядков были, повидимому, поименованные 14 человек, из коих большинство уже задержано. При этом, однако, обращает на себя внимание, что вышеуказанный Анатолий Гаврилов до сего времени арестованным не значится. Независимо сего, предварительным следствием установлено, что 7 мая вечером 62-летний старик, садовник Христофоров ударом шашки ранен в голову возле своей квартиры, при чем, по его словам, рана нанесена ему полицейским офицером или околоточным надзирателем.

9 мая начальник завода, генерал-майор Власьев, по распоряжению управляющего морским министерством, вновь вступил в должность, о чем оповестил рабочих, приглашая их возобновить работу на заводе 11 мая.

Мая 10 дня 1901 г.

III.

В последние два дня, 11 и 12 сего мая, на Обуховском сталелитейном заводе произведен ряд следственных действий, с целью обнаружения лиц, виновных в сопротивлении чинам полиции и в других общеуголовных преступлениях, совершенных 7 сего мая, во время происходивших на означенном заводе уличных беспорядков.

Независимо сего, прокурорским надзором, при содействии полицейских чинов, расследованы также обстоятельства, касающиеся возникшего среди рабочих упомянутого завода брожения, которое повлекло за собою временное прекращение работ и вышеуказанные беспорядки. При этом, между прочим, установлено, что 7 мая, когда рабочие вышли на улицу, а заводская администрация поручила значительному числу сторожей охранять ворота и не пропускать рабочих обратно на завод, то некоторые буяны пытались проникнуть туда силою и вступили со сторожами в борьбу, а один из рабочих, уволенный еще в феврале сего года за дурное поведение, мещанин Александр Ковальский бросился на сторожа Куренкова с ножом и нанес ему в голову и в шею восемь ран, в том числе одну в десять сантиметров длиною. Означенный Ковальский задержан был полицией и признан на следствии потерпевшим Куренковым, равно как и двумя другими сторожами и околоточным надзирателем Лесневичем, в виду чего он тотчас привлечен к ответственности по обвинению в покушении на убийство, сознался в упомянутом преступлении и ныне содержится под стражею в доме предварительного заключения.

Далее, по объяснению целого ряда свидетелей (помощника начальника завода, подполковника Иванова, помощника пристава Келина, жандармского поручика барона Левендаля, сторожа Павлова и др.), во время нападения на полицейских чинов впереди толпы находился бывший рабочий, сын подпоручика Анатолий Гаврилов, который сам бросал камни в полицейских офицеров и побуждал к таким же насильственным действиям других лиц, находившихся около него. Означенный Гаврилов, как ныне в точности установлено, еще 20 апреля сего года убеждал сторожа Павлова распространять на заводе прокламации о созыве рабочих 22 апреля на Невский проспект, передал Павлову одну подобную прокламацию и тогда же задержан был с пачкою таких прокламаций, с которыми он доставлен был местною полициею в охранное отделение. Спустя несколько дней, однако, Гаврилов оказался на свободе и, во время беспорядков 7 мая, играл в толпе столь выдающуюся роль, что заводская администрация заявила, будто бы он «командовал» на улице. В виду приведенных данных, Гаврилов подвергнут обыску, заключен под стражу и будет допрошен судебным следователем не позднее вторника (15 сего мая).

Допросом табачного торговца Зимина и околоточного надзирателя Бродинского установлено, что, когда городовые конно-полицейской стражи разгоняли шумевшую толпу, то один из рабочих, крестьянин Афанасий Красулин, бросился на городового Николенко, причинил ему ряд насильственных действий и, между прочим, нанес ему рану кинжалом, который он, Красулин, постоянно носил при себе. Поэтому Красулин также привлечен к делу в качестве обвиняемого и ныне заключен под стражу. Независимо сего, показанием помощника пристава Келина установлено, что в числе лиц, оказывавших полиции особенно энергичное сопротивление, находились рабочие Аркадий Щагин, Иван Яблочкин, Дмитрий Соловьев и Константин Медянцев, из коих последние трое, между прочим, пытались разгромить казенную винную лавку. Для более точного разъяснения вопроса о виновности названных лиц предстоит еще дополнительный допрос нескольких свидетелей, после чего Щагин, Яблочкин, Соловьев и Медянцев будут привлечены в качестве обвиняемых и заключены под стражу.

Таким образом до настоящего времени собраны данные для обвинения перечисленных выше семи лиц в насильственном сопротивлении властям, а, кроме того, имеются многочисленные сведения, указывающие на соучастие в означенном преступлении еще девяти других рабочих, которые, однако, еще не привлечены к делу, так как полученные о них сведения подлежат дальнейшей проверке в порядке дознания, производимого под наблюдением товарищей прокуроров С.-Петербургской судебной палаты Гредингера и С.-Петербургского окружного суда Арнольда.

Обращаясь затем к рассмотрению вопроса о поводах и побуждениях, под влиянием которых возникли беспорядки 7 мая, следует прежде всего признать, что положение рабочих на Обуховском заводе представляется исключительно благоприятным, и потому не подлежит сомнению, что означенные беспорядки вызваны не вследствие каких-либо притеснений со стороны заводской администрации или же в силу неудовлетворительного экономического положения рабочих, а преимущественно под влиянием социалистической пропаганды, несомненно существовавшей на заводе. Обстоятельство это уста-

навливается главным образом тем, что, по удостоверению заводской администрации, в последние месяцы на заводе постоянно появлялось значительное количество преступных воззваний, при чем, между прочим, обращают на себя внимание нижеследующие обстоятельства: по заявлению одного из рабочих (Курбатова), еще в 1897 г., когда он служил на заводе в гор. Саратове, некий Зельницкий (бывший студент, впоследствии высланный административным порядком) образовал на том же заводе революционный кружок, к которому, между прочим, принадлежали рабочие Александр Кожевников и Михаил Замоторин. Вслед засим Поляков переехал в С.-Петербург и около трех лет тому назад поступил на Обуховский завод, а в прошлом году на том же заводе стали служить и вышеназванные Кожевников и Замоторин. С этих пор распространение прокламаций особенно усилилось и продолжалось до апреля текущего года, когда Кожевников и Замоторин куда-то исчезли.

Независимо всего изложенного, установлено, что, начиная с 1 сего мая, когда среди рабочих возникло брожение, в мастерских стали распространяться ложные слухи о том, что начальство предполагает уволить множество рабочих и уменьшить заработную плату, чего в действительности в виду не имелось.

Следует также заметить, что, если 7 мая резкое обращение с рабочими помощника начальника завода, подполковника Иванова, и послужило ближайшим поводом к возникновению беспорядков, то нельзя не упомянуть и о том, что в составе заводской администрации находится лицо, присутствие которого на заводе едва ли представляется желательным. Броневою мастерскою завода заведует подполковник Берсеньев, явно старающийся снискать среди рабочих популярность и, по словам многих лиц, почти открыто осуждавший (даже в настоящее время) действия полиции и части заводской администрации. По наведенным справкам, у названного подполковника Берсеньева, и ныне находящегося в близких отношениях с некоторыми лицами, отличающимися крайне либеральным направлением, в прошлом году проживали какие-то курсистки, изобличенные впоследствии в политической неблагонадежности, вследствие чего и сам г. Берсеньев состоял одно время под негласным надзором полиции. Даже в текущем году г. Берсеньева постоянно посещала бывшая курсистка Каменская, заведывавшая на заводе читальнею для рабочих и высланная 20 марта сего года из столицы за участие в демонстрации 4 марта (на Казанской площади).

9 сего мая генерал-майор Власьев вновь вступил в управление заводом, и, пользуясь особенною любовью благомыслящей части рабочих, он немедленно восстановил порядок, так что уже 11 сего мая работы на заводе с утра возобновились. 12 же мая г. Власьев созвал 29 уполномоченных от рабочих всех 14 мастерских и предложил им высказать, какие именно причины вызывают их неудовольствие. Ведя означенные переговоры в строго начальническом тоне, г. Власьев успел, однако, настолько успокоить рабочих, что они самым скромным образом просили его лишь о некоторых мелких льготах и о том, чтобы он ходатайствовал пред высшим начальством об уменьшении числа рабочих часов. Когда же г. Власьев, осудив беспорядки 7 мая, вместе с тем отнесся с некоторым снисхождением к тем из рабочих, которые 1 мая не явились на завод, то его вскоре обступила толпа в 1000 — 1500 рабочих, которая встретила и провожала его с криками «ура» и благодарила его

за «милостивое отношение». Однако, в виду сильного возбуждения рабочих против подполковника Иванова, последний, по распоряжению генерал-майора Власьева, временно командирован в Севастополь, откуда он вернется лишь через две недели, когда спокойствие окончательно будет восстановлено.

По рассмотрении списка 122 рабочих, задержанных по положению об охране в ночь на 8 сего мая и отправленных в пересыльную тюрьму, оказалось, что в числе их находятся малолетние, имеющие от 13 — 15 лет, инвалиды, служащие свыше 30 лет на заводе, и многие лица, вовсе к беспорядкам непричастные; из главных же зачинщиков беспорядков задержаны только трое. В виду сего, прокурорским надзором были опрошены все упомянутые 122 человека и, кроме того, о них собраны подробные сведения от чинов полиции и заводской администрации. При самой же тщательной проверке оказалось, что перечисленные в прилагаемом списке 60 рабочих никакого участия в беспорядках не принимали, а многие из них (отмеченные красными крестиками) даже на месте беспорядков не находились. Что же касается остальных 62 человек, то в числе их находятся несколько лиц, которые, по всей вероятности, будут привлечены в качестве обвиняемых, об остальных же до настоящего времени не удалось собрать каких-либо существенных данных.

Мая 13 дня 1901 г.

IV.

По производящемуся у судебного следователя С.-Петербургского окружного суда по важнейшим делам Кузмина предварительному следствию о беспорядках на Обуховском сталелитейном заводе, в течение последней недели допрошен целый ряд лиц с целью выяснения причин возникновения и обстоятельств, сопровождавших означенные беспорядки; при чем все собранные по сему поводу лицами прокурорского надзора сведения нашли себе подтверждение в данных следствия. В настоящее время помимо мещанина Ковальского, сына поручика Гаврилова и крестьянина Красулина, о коих упомянуто в предыдущих записках, судебным следователем допрошены в качестве обвиняемых и заключены под стражу крестьяне Василий Багров, Марфа Яковлева и Лидия Бурчевская, которые изобличены, первый — в нанесении камнем раны полицеймейстеру полковнику Палибину, а последние в том, что во время столкновения буйствовавшей толпы с отрядом полиции разбирали мостовую и раздавали рабочим для метания камни. 22 мая имеют быть допрошены судебным следователем в качестве обвиняемых крестьяне Дмитрий Ситников и Ефрем Дахин, из которых первого один свидетель видел бросавшим камни в чинов полиции, а второго — двое свидетелей видели во время беспорядков, последовательно в трех местах, во главе толпы командовавшим ею. При произведенном же, по окончании беспорядков, аресте этих лиц в карманах надетого на них платья были найдены камни. 22 же мая имеет быть допрошен следователем рабочий Обуховского завода, крестьянин Анатолий Ермаков. Относительно него прокурором окружного суда были получены сведения, указывающие на то, что Ермаков является одним из главных руководителей толпы и ранее 7 мая подговаривал товарищей не только к стачке, но к открытому сопротивлению полицейской власти в случае вме-

шательства ее в забастовку. На основании этих данных прокурором окружного суда было дано судебному следователю предложение о производстве в квартире Ермакова обыска. Последний, будучи произведен в ночь на 19 мая, никаких результатов не дал, но допросом на следующий день на предварительном следствии крестьянки Прасковьи Михайловой, сиделицы казенной винной лавки, расположенной близ Обуховского завода, установлено, что Ермаков 22 минувшего апреля отправился на Невский проспект для производства назначенных на этот день агитаторами уличных демонстраций, к 7 мая, по выражению свидетельницы, «припасся» красным флагом, распространял печатные революционные воззвания, а 7 мая на глазах свидетельницы первый скомандовал толпе бросать в полицейский отряд камни. Свидетельница Михайлова, посещая свою подругу, сестру Ермакова, неоднократно слышала от него, что он добивается восьмичасового рабочего дня и политической свободы. Ермаков, будучи подвергнут следователем приводу, уже арестован полицией и 22 мая будет заключен под стражу в дом предварительного заключения, так же как и выше упомянутые Дахин и Ситников. Таким образом, по делу о беспорядках на Обуховском заводе 22 мая будет 9 обвиняемых, игравших в означенном событии весьма крупные роли. Независимо от сего, предварительным следствием путем показаний свидетелей-очевидцев выяснена виновность крестьян Александра Зайцева и Тимофея Завалишина в метаньи камней в чинов полиции, а также виновность крестьян Сергея Михайлова, Дмитрия Соловьева и Александра Дуракова в попытке произвести нападение на казенную винную лавку. Эти лица будут привлечены в качестве обвиняемых в течение предстоящей недели. Рядом с перечисленными следственными действиями товарищем прокурора Арнольдом были опрошены чины полиции, входившие в состав отряда, подвергшегося 7 мая нападению толпы, с целью выделения тех из них, которые запомнили лиц, на них нападавших. Таких полицейских чинов оказалось около шестидесяти. Всем им товарищем прокурора были предъявлены 58 рабочих, задержанных 7 мая за участие в беспорядках, по распоряжению градоначальника в порядке положения об усиленной охране содержащихся в пересыльной тюрьме, и 47 рабочих, об участии коих в беспорядках имелись сведения у лиц прокурорского надзора. Из этих 105 человек чины полиции указали 27 таких, которые 7 мая обратили на себя внимание бросанием камней в полицейский отряд и подстрекательством других к тому же. 22 мая начнутся допросы в качестве свидетелей чинов полиции, имеющих подтвердить в порядке следствия показания свои, данные товарищу прокурора, а затем будут произведены и основанные на этих показаниях допросы обвиняемых.

Следственные действия по делу о беспорядках на Обуховском заводе производятся судебным следователем Кузминым и одновременно командированными к нему окружным судом в помощь, на правах следователей, старшими кандидатами на судебные должности при С.-Петербургской судебной палате Гудвиловичем и Плаксиным.

Мая 21 дня 1901 г.

V.

СПИСОК[1]

лиц, подлежащих освобождению, в виду сведений о их благонадежности и непричастности к беспорядкам, доставленных товарищу прокурора С.-Петербургской судебной палаты, действительному статскому советнику Грединтеру чинами полиции и заводской администрации. [2]

1. Иван Пернафорт.
2. Иван Лавринович. ×
3. Михаил Семенов. ×
4. Александр Евсеев.
5. Егор Князев.
6. Василий Князев.
7. Александр Князев. ×
8. Павел Алексеев. ×
9. Илья Сидоров (Хрычев).
10. Иван Чесноков.
11. Анисим Андреев. ×
12. Николай Кисель.
13. Сильвестр Судаков.
14. Павел Афонасьев.
15. Петр Лаврентьев. ×
16. Алексей Ульянов.
17. Степан Подкидыш.
18. Василий Худеков.
19. Андрей Редин.
20. Павел Пермяков.
21. Иван Поздняков.
22. Михаил Иванов.
23. Григорий Пермяков. ×
24. Николай Андреев.
25. Иуда Попов. ×
26. Федор Васильев Люльцев. ×
27. Иван Федоров.
28. Николай Середавин.
29. Аркадий Зоркин.
30. Иван Иудов.
31. Иван Петров.
32. Андрей Агафонов.
33. Дмитрий Фанеев.
34. Иван Кисель. ×
35. Алексей Акимов.
36. Егор Любимов.
37. Михаил Кисловский.
38. Василий Макаров.
39. Иван Лихонин.
40. Егор Федоров.
41. Иван Данилов.
42. Николай Иванов.
43. Константин Иванов.
44. Дмитрий Кукушкин.
45. Андрей Костриков. ×
46. Александр Курбатов.
47. Иван Розенков.
48. Владимир Поляков.
49. Василий Чесноков.
50. Петр Лебедев.
51. Александр Селезнев. ×
52. Михаил Кияк.
53. Василий Гут.
54. Василий Филиппов.
55. Михаил Шмелев. ×
56. Егор Иевлев.
57. Петр Селезнев.
58. Александр Николаев.
59. Егор Ежов.
60. Михаил Храмов.

Мая 13 1901 г.

---

[1] Из дела № 347 за 1901 г. временной канцелярии при министерстве юстиции по производству особых уголовных дел.

[2] Лица, отмеченные красными крестиками, на месте беспорядков не находились (примечание документа).

ПРИГОВОР.[1]

«1901 года октября 30 дня, в 4 часа 20 минут дня, в зале судебных заседаний С.-Петербургской судебной палаты настоящий приговор объявлен мною, при закрытых дверях присутствия с точным соблюдением 829—834 и 842 ст. уст. угол. суд., при товарище прокурора С. М. Зарудном и помощнике секретаря Л. Ф. Зиверте.

«Все подсудимые, содержащиеся под стражей, к выслушанию приговора явились и просили выдать им копии приговора.

Подписал член палаты А. Ходнев».

ПРИГОВОР

1901 г., сентября 24-28 дня. По указу его императорского величества, С.-Петербургская судебная палата, в особом присутствии с участием сословных представителей, в городе С.-Петербурге, в публичном заседании, в котором присутствовали: председатель департамента Д. А. Коптев, члены палаты: И. Г. Архипов, П. Ф. Боловский и А. А. Ходнев, гдовский уездный предводитель дворянства Н. Г. Дружинин, испр. должн. С.-Петербургского городского головы С. А. Тарасов, Рыбацкий, С.-Петербургского уезда волостной старшина И. Зотов, товарищ прокурора Ф. О. Гредингер, за секретаря Л. Ф. Зиверт и старший кандидат Н. Ф. Николин. Слушала: дело о крестьянине Анатолии Ермакове, мещанине Константине Стефане, крестьянине Иване Соловьеве (он же Яблочкин), мещанине Ефреме Дахине, дворянине Анатолии Гаврилове, всего в числе тридцати семи человек, обвиняемых по 13 и 263 ст. улож. о наказ., крестьянине Афанасии Красулине, обвиняемом, кроме сего, по 9 и 2 ч. 1455 ст. улож. о наказ., и мещанине Александре Ковальском, обвиняемом по 13, 266, 9 и 2 ч. 1455 ст. улож. о наказ.

В порядке, законом установленном, были преданы суду особого присутствия С.-Петербургской судебной палаты, с участием сословных представителей: 1) крестьянин Владимирской губернии, Меленковского уезда, Гусевской волости Анатолий Иванов Ермаков, 22 лет, Колпинский мещанин Константин Иванов Стефан, 36 лет, крестьянин Костромской губернии, Кологривского уезда и волости, деревни Николаевской Иван Ильин Соловьев (он же Яблочник), 24 лет, Новоторжский мещанин Ефрем Степанович Дахин, 30 лет, дворянин Анатолий Иванов Гаврилов, 32 лет, крестьяне Вятской губернии, Сарапульского уезда, Воткинской волости, Воткинского завода Константин Иванов Медянцев, 18 лет, Тверской губернии, Весьегонского уезда, Володкинской волости, деревни Пронево Василий Моисеев Багров, 28 лет, Псковской губернии, Порховского уезда Верхне-Шелонской волости, деревни Лихачевки Григорий Емельянов, 28 лет, Новгородской губернии, Боровичского уезда,

[1] Приговор взят из дела № 347 за 1901 г. временной канцелярии при министерстве юстиции по производству особых уголовных дел.

Хоромской волости, деревни Плесово Александр Александров, 22 лет, С.-Петербург-
ский мещанин Николай Васильев Семенов, 18 лет, крестьянин Нижегородской губер-
нии, Ардатовского уезда, Илевской волости, завода Илева Александр Андреев Зайцев,
25 лет, Колпинский мещанин Тимофей Степанов Завалишин, 29 лет, С.-Петербург-
ский мещанин Александр Савельев Калинин, 30 лет, крестьяне Тамбовской губернии,
Темниковского уезда, Еремшинской волости и села Михаил Петров Пошехонов,
26 лет, Витебской губернии, Себежского уезда, Чайкинской волости, деревни Швары
Захар Анисимов (он же Андреев), 26 лет, Колпинский мещанин Павел Александров
Константинов, 27 лет, крестьяне Ярославской губернии Угличского уезда, Кондаков-
ской волости, деревни Бабаева Дмитрий Карпов Кокушкин, 19 лет, С.-Петербургской
губернии и уезда, Ижорской волости, села Усть-Ижора Дмитрий Михайлов Ситников,
26 лет, Тверской губернии, Калязинского уезда, Фроловской волости, деревни Устья
Дмитрий Васильев Саженников, 17 лет, С.-Петербургский мещанин Михаил Дми-
триев Федоров, 18 лет, С.-Петербургский мещанин Иван Николаев (он же Иванов),
18 лет, крестьяне Тверской губернии, Вышневолоцкого уезда, Казихинской волости,
сельца Корельска Дмитрий Никитин Вересов, 20 лет, С.-Петербургской губернии
и уезда, Рыбацкой волости и села Николай Иванов Чирков, 21 года, Рязанской губер-
нии, Спасского уезда, Исадской волости, деревни Кутуково Евдоким Григорьев Тру-
шин, 18 лет, Ярославской губернии, Мышкинского уезда, Новоникольской волости,
деревни Савельево Виталий Ефремов Соколов, 25 лет, С.-Петербургский мещанин
Дмитрий Игнатьев Петров, 29 лет, крестьяне С.-Петербургской губернии и уезда,
Новосаратовской колонии Александр Александров Даувальтер, 20 лет, Тверской
губернии, Корчевского уезда, Даниловской волости, деревни Быстрова Александр
Иванов Щербаков, 24 лет, Олонецкой губернии Каргопольского уезда, Вызерской
волости, деревни Гришинской Александр Степанов Тарасов, 23 лет Новгородской
губернии, Крестецкого уезда и волости, деревни Пристань Александр Елисеев Богда-
нов, 25 лет, С.-Петербургской губернии и уезда, Рыбацкой волости и села Андрей
Иванов Чирков, 17 лет, С.-Петербургской губернии и уезда, Рыбацкой волости,
деревни Леснозаводской Семен Петров Машистов, 22 лет, Смоленской губернии,
Сычевского уезда, Ивановской волости, деревни Болтилова Михаил Евдокимов Кирил-
лов, 22 лет, и Тульской губернии, Чернского уезда, Синдеевской волости, сельца
Михайловки Афанасий Никитин Красулин, 35 лет, — по обвинению в том, что 7 мая
1900 г., в селе Александровском, Шлиссельбургского участка города С.-Петербурга,
по предварительному между собой уговору и совокупно с другими, следствием
не обнаруженными, лицами, они, после произведенного на Обуховском сталелитейном
заводе беспорядка, собравшись толпою на Шлиссельбургском проспекте, встретили
явившихся для водворения спокойствия чинов полиции и воинской команды криком
и бранью и, оказав явное противодействие предъявленному к ним требованию разой-
тись и прекратить буйство, а также сопротивление задержанию виновных в этих
беспорядках, совокупными силами произвели открытое нападение на вооруженные
отряды полиции и воинской команды, камнями оттеснили таковые в переулок к Обу-
ховскому заводу, а затем производили выстрелы и бросали в них булыжниками до тех
пор, пока не были рассеяны залпами подоспевшей на место морской команды, при чем
во время описанных выше беспорядков некоторым полицейским чинам причинены
были более или менее значительные повреждения, а поименованные обвиняемые Ана-
толий Ермаков, Ефрем Дахин, Анатолий Гаврилов, Иван Соловьев (он же Яблочкин),
Константин Медянцев, Константин Стефан, Григорий Емельянов и Александр Але-
ксандров действовали в качестве зачинщиков совершенного преступления, т.-е. в пре-

ступном деянии, предусмотренном 13 и 263 ст. улож. о наказ.; 2) Кронштадтский мещанин Александр Михайлов Ковальский, 26 лет, по обвинению в том, что тогда же и там же, по уговору с другими лицами, явился на место преступления, для участия в задуманном насильственном противодействии чинам полиции и воинской команды и, желая проникнуть на завод, куда его не пропускал сторож Алексей Курников, в намерении лишить жизни последнего, в состоянии запальчивости и раздражения, нанес ему в голову, шею и спину девять ран ножом, но намерения своего выполнить не успел, будучи задержан подоспевшими чинами полиции, т.-е. в преступлениях, предусмотренных 13, 266, 9 и 2 ч. 1455 ст. улож. о наказ.; 3) поименованный выше Афанасий Никитин Красулин, по обвинению также и в том, что тогда же и там же, с целью лишить жизни пытавшегося арестовать его городового конно-полицейской стражи Матвея Николенко, нанес последнему ножом три удара в руку, спину и бок, причинив ему две раны, но не достиг своей цели по независевшим от воли его обстоятельствам, т.-е. в преступлении, предусмотренном 9 и 2 ч. 1455 ст. улож. о наказ., и 4) крестьянки Смоленской губернии, Юхновского уезда, Воскресенской волости, деревни Ломово Марфа Яковлева Яковлева, 18 лет, и Вологодской губернии, Велико-Устюгского уезда, Геляновской волости, деревни Дыгдынского-Починка Лидия Кириллова Бурчевская, 18 лет, по обвинению в том, что тогда же и там же, по уговору с другими лицами, с целью оказать им содействие к совершению описанного выше нападения на полицейских и воинских чинов, они доставляли своим соучастникам булыжники, которые были затем брошены в полицейскую и воинскую команды, т.-е. в преступлении, предусмотренном 4 п. 13 и 263 ст. улож. о наказ. На суде, исключая Марии Яковлевой, никто из подсудимых виновными себя не признали, а подсудимая Яковлева, признавая себя виновной в предъявленном к ней обвинении, объяснила, что, подавая булыжники рабочим, бросавшим их в полицию, она поступала так из сочувствия к рабочим, которых полиция била. Рассмотрев обстоятельства настоящего дела, произведенное по оному судебное следствие и выслушав прения сторон и последнее слово обвиняемых, особое присутствие находит, что совокупностью показаний опрошенных на суде свидетелей Власьева, Иванова, Палибина, Лесневича, Старцева, Страховича, Келина, Заставного, Ладо, Войко, Бродовского, Максимова, Чугунова, Халдеева и друг. преступное событие, имевшее место 7 мая 1901 г. в селе Александровском, Шлиссельбургского участка г. С.-Петербурга, должно быть признано вполне по делу установленным и ни в чем со стороны обвиняемых на суде не опровергнутым, при чем, как это удостоверено на судебном следствии, оно выразилось в нижеследующем.

7 мая 1901 г., около двух часов дня, последняя часть рабочих, вернувшихся после обеденного перерыва во двор Обуховского сталелитейного завода для продолжения работ, всего около 150 человек, — не расходилась по мастерским, а начала производить шум, на который стали выходить рабочие из ближайших мастерских. В виду возникшего во дворе завода шума, туда прибыл сперва помощник начальника завода, подполковник Иванов, а вслед за ним уволенный уже в командировку, но не уехавший еще начальник завода, генерал-майор Власьев. Толпа рабочих вела себя в это время крайне неприлично, шумела и кричала: «Долой капиталистов!», «Нам нужна свобода!», «Наше отечество там, где хлеб!» и требовала немедленного прекращения работ на заводе. На предложение начальника завода Власьева, в виду невозможности говорить со всею толпою, избрать из своей среды уполномоченных, которых он готов выслушать, — из толпы послышались возгласы: «Мы знаем, уполномоченных наших вы заморите потом в тюрьме», а засим после заявления Власьева, что он ручается, что

с ними ничего не будет сделано, из толпы выделились трое или четверо рабочих, объявивших, что они требуют: 1) введения восьмичасового труда, 2) уничтожения ночных работ, 3) увеличения заработной платы, 4) установления празднования 1 мая, 5) прощения и возвращения на завод рабочих, уволенных за прогул 1 мая и 6) удаление подполковника Иванова. Объяснив рабочим нелепость некоторых их требований, генерал-майор Власьев обещал заняться по возвращении из командировки улажением справедливой части их требований, предложив им разойтись по мастерским. Успокоенные его ответом рабочие с криком «ура» понемногу стали расходиться, а генерал-майор Власьев уехал в С.-Петербург. Между тем рабочие, проникши в мастерские, стали угрозами требовать прекращения работ и подстрекать продолжавших работы к самовольной остановке таковых. Вскоре подполковник Иванов, находясь в конторе завода, услыхал, что в минной и станочной мастерских вновь стали шуметь, при чем вскоре раздался самовольно произведенный тревожный гудок об окончании работ. Выйдя во двор завода, Иванов застал там уже тысячную толпу, сильно возбужденную и, чтобы предупредить возможность серьезных последствий для завода, крикнул, чтобы рабочие выбирали одно из двух — «или по работам или по домам». Тогда вся толпа, выйдя из завода с гиканьем и криком «ура», направилась на Шлиссельбургский проспект (показание подполковника Иванова). Часть этой толпы рабочих направилась к Александровскому (Бердову) заводу, где стала ломиться в ворота, требуя прекращения работ, и вступила в драку с рабочими, пришедшими на смену для ночных работ, вследствие чего начальством завода работы были отменены; другая же часть напала на рабочих, запоздавших выходом с Обуховского завода (показание Лесневича). В виду угрожающего для безопасности Обуховского завода настроения тысячной толпы рабочих, оставившей завод и образовавшей с примкнувшими к ней на Шлиссельбургском проспекте посторонними лицами публичное скопище, подполковник Иванов, опасаясь за целость завода, дал знать о возникшем волнении в местный полицейский участок, откуда сообщено было об этом полицеймейстеру III отделения г. С.-Петербурга, полковнику Палибину. До прибытия полковника Палибина толпа заняла весь проспект, осыпая местную полицию бранью и насмешками. В это время околоточный надзиратель Костюшко-Валюжнич, исполняя приказание помощника пристава Келина — заметить одного из рабочих, выдававшегося своей дерзостью, хотел обойти его вперед, но был встречен криком толпы: «Ребята, наших хотят брать, не давайте его!» и в это время получил удар сзади чем-то твердым по голове, так что упал и временно потерял сознание, а затем, очнувшись, снова получил удар камнем в лицо, при чем этим ударом ему повреждена была верхняя челюсть и выбито два зуба (показание Келина и Костюшко-Валюжнича), при чем напавшие на него пытались его обезоружить и сломали ножны шашки об его голову. Полковник Палибин, прибыв тотчас по уведомлении его на место происшествия в село Александровское, в сопровождении эскадрона жандармов, 52 пеших и 19 конных городовых, — застал около Обуховского завода скопище большого количества народа, преимущественно рабочих, которые, выйдя с завода, шли более или менее значительными группами. В общем толпа держала себя сначала спокойно и все, по удостоверению полковника Палибина на суде, ограничивалось тем, что в той или другой группе раздавались свист, громкие крики «ура». Вскоре, однако же, настроение толпы сделалось более возбужденным, она стала вести себя вызывающим образом. На неоднократное предложение полковника Палибина и других полицейских чинов разойтись, из толпы послышались крики, что они, рабочие, находятся у себя дома и не намерены уходить, при чем некоторые из толпы отличались особою дер-

зостью, ругались и возбуждали толпу не расходиться, крича: «Братцы, не поддавайтесь, нам ничего не значат ни полиция, ни солдаты» (показание Степаненко); «Что же, братцы, неужели мы не постоим за своих, возьмемся же за дело!» (показание Халдеева); вместе с тем некоторые из шумевших требовали открытия запертой по распоряжению полиции казенной винной лавки, а другие кричали: «Нам нужна свобода!» (показание Старцева). В это же приблизительно время, некоторые рабочие покушались на вторжение в торговые заведения вдоль Шлиссельбургского проспекта, закрытые в виду возникших беспорядков, а именно: пивной и чайной лавок (показание Малофея Соловьева и Дмитрия Иванова). Когда затем, около шести часов вечера, окончились работы на Карточной фабрике и на Александровском заводе, то рабочие этой фабрики и завода и другие посторонние лица присоединились на Шлиссельбургском проспекте к буйствовавшим там лицам, образовав скопища народа в несколько тысяч, часть каковото направилась к шлагбаумам, ограждавшим переезд узкоколейной железной дороги через Шлиссельбургский проспект, овладела ими и, опустив их, прекратила всякое движение по проспекту конки и полицейских патрулей, при чем стала бросать камнями в конку и полицейских чинов, побила окна вагонов, разбила вдребезги велосипед проезжего и т. п. действиями стала принимать угрожающий для общественной безопасности характер. В виду этого полковник Палибин приказал штабс-капитану полицейского резерва Страховичу занять шлагбаум для освобождения проезда. Лишь только Страхович подошел к шлагбаумам, как на бывший в его распоряжении наряд полиции набросилась толпа, сбила с ног находившегося рядом с ним городового и рассеяла остальных, самого же Страховича схватили и хотели втащить в толпу, но в это время на помощь ему подоспел присланный полковником Палибиным взвод жандармов и конно-полицейской стражи, который оттеснил нападавшую толпу, при чем некоторая часть последней скрылась во дворе флигелей Карточной фабрики, заперев и забаррикадировав извнутри ворота и калитки (показание Страховича). Вскоре после этого и сам полковник Палибин, с отрядом городовых, отправился к вышеупомянутым шлагбаумам, при чем, как только он поравнялся с забором, ограждающим двор у флигелей Карточной фабрики, на него и сопровождавших его полицейских чинов посыпался из-за забора град камней. Полковник Палибин приказал городовым выломать забаррикадированные калитки и проникнуть во двор, но это распоряжение не могло быть исполнено, так как в виду сыпавшихся на полицейских чинов со всех сторон булыжников они должны были отступить. Тогда, с целью попугать буйствовавших, по приказанию Палибина, городовыми было произведено по два выстрела в забор флигелей Карточной фабрики. Вследствие безвредности этих выстрелов толпа, засевшая во дворе упомянутых флигелей, еще с большею смелостью стала осыпать полицию градом камней. В течение этого времени брошенными камнями было ранено около 17 полицейских чинов (показание Ничипоренко) и, между прочим, полковник Палибин, сперва в ступню и бедро левой ноги и в колено правой ноги, а затем в голову и притом настолько сильно, что из раны на голове у него потекла кровь, так что он принужден был отправиться на перевязку в контору Обуховского завода. В это же время раздался крик «Что теперь сделаете с нами? Если возьмете хоть одного из нас, мы с вами разделаемся!» (показание Зубова). По прибытии на Обуховский завод, полковник Палибин, по показанию его на суде, застал страшную панику, и временно управлявший заводом, подполковник Иванов, заявил ему, что опасается нападения со стороны рабочих на завод, предложив Палибину воспользоваться имеющеюся при заводе командою матросов. Одобрив это предложение, полковник Палибин, выйдя после сде-

ланной ему перевязки из конторы завода на крыльцо, откуда он не мог дальше итти вследствие повреждения ноги, увидел, что ожесточенная толпа, продолжая закидывать камнями чинов полиции, совсем прижала городовых к забору у дома начальника завода, а жандармы должны были отступить почти к самым воротам завода. По прибытии на завод с противоположного берега Невы флотской команды в количестве 20 человек, под начальством боцмана Заставного, команда эта была выставлена в переулке против буйствовавшей толпы, и в это же время в нее посыпались камни. Тогда находившийся тут же пристав Сафонов разрешил стрелять в толпу. Предупреждения об этом сделано не было, но когда морскою командою произведен был первый залп, не имевший никаких последствий, толпа разразилась хохотом и с криками «ура» засыпала матросов градом камней. Один камень попал боцману Заставному в ногу, а у одного из матросов было камнем разбито ружье. Вслед засим команда была раздвинута по проспекту, и в толпу сопротивлявшихся даны были следующие два залпа боевыми зарядами, после чего толпа рассеялась, и Шлиссельбургский проспект был очищен (показание Заставного). Спустя около часа времени явились две вызванные роты Омского полка, и тогда были произведены, по распоряжению Палибина, аресты тех лиц, которые оказались во флигелях Карточной фабрики, так как оттуда произведено было кидание камнями в полицию и особенно сильное сопротивление последней (показание Палибина и др.). При этом чины полиции были встречены градом каменьев, брошенных из-за забора, после чего бросавшие камни разбежались по квартирам флигелей (показание Лесневича). Между прочим в это же время было произведено нападение на городового конно-полицейской стражи Николенко, пытавшегося задержать одного из участников беспорядков во дворе дома № 3-5 по Станционной улице, откуда продолжали бросать камни в полицию, при чем рабочий этот нанес Николенко три удара ножом в руку, спину и бок (показание Николенко). Независимо от сего, в самом начале вышеописанного преступного события, имевшего место 7 мая 1901 г., в то время, когда шумевшие рабочие находились еще во дворе Обуховского завода, на сторожа этого завода Курникова, дежурившего у ворот и не пропускавшего посторонних во двор завода, один из любопытствовавших, оказавшийся впоследствии кронштадтским мещанином Александром Ковальским, желая проникнуть во двор завода и недопущенный Курниковым, напал на него и нанес ему ножом в голову, шею и спину девять ран, так что Курников тотчас же обессилел и потерял сознание, а Ковальский, пытаясь скрыться, был задержан околоточным надзирателем Лесневичем (показание Курникова и Лесневича). Таковым в общих, точно установленных на предварительном следствии и подтвержденных на суде, чертах представляется преступное событие, имевшее место 7 мая 1901 г. как на Обуховском сталелитейном заводе, так и на Шлиссельбургском проспекте города С.-Петербурга.

По обвинительному акту всем подсудимым предъявлено было на основании данных, добытых на предварительном следствии, обвинение в участии их в вышеописанном преступном событии по предварительному соглашению. Между тем, судебное следствие не только не дало в этом отношении никаких указаний, но и вполне такое предварительное соглашение опровергло. Из точного и определительного показания на суде генерал-майора Власьева — начальника Обуховского завода, где первоначально возникли беспорядки, повлекшие впоследствии за собою то преступное событие, которое составляет предмет исследования по настоящему делу, — усматривается, что по характеру действий толпы, объяснявшейся с ним во дворе Обуховского завода, и по способу ее с ним разговоров генерал-майор Власьев не допускает возможности, чтобы толпа эта действовала по предваритель-

пому между собою соглашению отдельных лиц. Засим, как сказано выше, никаких других данных, удостоверявших бы предварительное соглашение, по делу не установлено. Равным образом нельзя признать на судебном следствии доказанным, чтобы во время того же насильственного противодействия вооруженным отрядам полиции и воинской команде, призванным для рассеяния образовавшегося 7 мая 1901 г. скопища, были бы произведены в полицию и команду выстрелы из огнестрельного оружия. Из числа допрошенных на суде свидетелей трое, а именно Пархимович, Ничипоренко и Сташкевич, показали, что они слышали револьверные выстрелы близ флигелей Карточной фабрики и из-за забора их, а Сташкевич и Пархимович даже заметили «струйки дыма», подымавшегося от этих выстрелов. Показания эти едва ли могут быть признаны достоверными и во всяком случае к ним следует, по мнению особого присутствия, отнестись с крайней осторожностью как потому, что никто из остальных свидетелей, ближайших очевидцев происшедших беспорядков (полковника Палибина, Старцева, Конца, Заставного и др.), упомянутых выстрелов не слыхали, так и потому, что свидетели Пархимович, Ничипоренко и Сташкевич легко могли впасть в заблуждение, приняв выстрелы, произведенные городовыми, по приказанию полковника Палибина, за выстрелы из толпы рабочих. Посему особое присутствие приходит к тому заключению, что выстрелов из огнестрельного оружия в вооруженные отряды полиции и воинскую команду со стороны рабочих произведено не было. Обращаясь засим к разрешению вопроса, какому преступному деянию соответствует вышеописанное преступное событие, особое присутствие находит, что по обвинительному акту все подсудимые обвиняются в преступлении, предусмотренном 263 и 266 ст. улож. о наказ., между тем обстоятельства, установленные на суде, вполне согласные с фактами, включенными в самый обвинительный акт по настоящему делу, указывают на то, что преступное событие, имевшее место 7 мая 1901 г., заключает в себе все существенные признаки преступления, предусмотренного 269^1 ст. улож. о наказ. — Правительствующий Сенат, в решении по общ. собран. 1877 г. № 40, по делу Боголюбова и др. разъяснил, что ст. 263 улож. о наказ. имеет применение лишь в тех случаях, когда восстание и противодействия, о которых в ней говорится, направлены были к воспрепятствованию каких-либо общих, до всего государства или целого края касающихся, действий правительства, как-то: обнародованию манифестов, законов и т. п. или приведению их в исполнение. Отсюда усматривается, что вышеописанное преступное сопротивление, составляющее предмет исследования по настоящему делу, ни в каком случае ст. 263 улож. о наказ. предусмотрено быть не может. Что же касается 269^1 ст. улож. о наказ., то, по мнению особого присутствия, согласному в настоящем случае с заключением товарища прокурора судебной палаты, сопротивление и противодействие, о котором идет речь в настоящем деле, несомненно предусмотрены этою статьею закона. Согласно разъяснению правительствующего сената, по уголовному кассационному департаменту 1899 года № 26 по д. Сегогоды, — ст. 269^1 улож. о наказ. предусматривает преступное посягательство против общественной безопасности, колеблющее порядок управления и состоящее в заведомом и умышленном принятии участия в скопище, произведшем указанные в законе насилия и образовавшемся по известным, указанным в законе, побуждениям. Необходимые условия его суть: 1) наличность сознательного участия в скопище данного лица; 2) наличность самого скопища; 3) наличность указанных законом насильственных действий, произведенных скопищем; 4) наличность известных, указанных законом побуждений, лежавших в основании скопища и поступков членов его, и 5) сверх того, для применения 2 ч. 269^1 ст.

улож. о наказ., наличность оказанного соединенными силами скопища насильственного противодействия вооруженной силе, призванной для его рассеяния. — Применяя эти соображения к фактическим данным, приведенным выше и прочно установленным на суде, — особое присутствие находит, что все существенные условия, необходимые, согласно указаниям правительствующего сената, для применения ст. 269^1 улож. о наказ. к настоящему делу, имеются налицо. Наличность участия в скопище, образовавшемся 7 мая 1901 г. в селе Александровском Шлиссельбургского участка г. с.-Петербурга, подсудимых, преданных суду по настоящему делу, а именно: действительное физическое присутствие их в составе этого скопища в качестве членов такового, сознательно примкнувших к нему, — не подлежит никакому сомнению и в отношении каждого из подсудимых имеет быть установлено особым присутствием впоследствии. Засим, наличность самого скопища, образовавшегося из целой массы фабричных рабочих и посторонних людей в несколько тысяч, имевшего место 7 мая 1901 г., равным образом представляется вполне по делу доказанною на основании приведенных в начале сего приговора фактических данных, установленных показаниями почти всех спрошенных на суде свидетелей. Наличность, далее, указанных в 269^1 ст. улож. о наказ. насильственных действий была оказана скопищем вооруженной силе, призванной для рассеяния его, а именно: вооруженным конно-полицейской стражи городовым, жандармам и морской команде, при чем противодействие это выразилось в нанесении им побоев и в бросании в них камнями, во время чего многим полицейским чинам были нанесены более или менее тяжкие повреждения. Независимо от сего, к этим же насильственным действиям скопища 7 мая 1901 г., по мнению особого присутствия, следует отнести и удостоверенное на суде показаниями околоточного надзирателя Лесневича покушение на вторжение части скопища в Александровский (Бердов) завод, покушение, настолько серьезно угрожавшее целости этого завода, что начальство его принуждено было отменить ночные работы, насилия над рабочими, а также попытку вторжения в торговые заведения Иванова для нападения на скрытого им рабочего. Наконец последним условием, существенно необходимым для состава 269^1 ст. улож. о наказ., представляется наличность известных, указанных в этом законе, побуждений, лежавших в основании скопища и поступков участников его, угрожавших общественной безопасности, в коих бы выражались общность проявленной ими воли и единство направления. В этом отношении судебное следствие по настоящему делу совершенно определительно и точно установило, что еще до возникновения беспорядков 7 мая 1901 г. на Обуховском заводе происходила уже негласная пропаганда на почве экономических отношений рабочих к капиталистам, выразившаяся в распространении на этом заводе прокламаций среди рабочих (показания генерал-майора Власьева, Ивана Павлова и др.). Засим, как уже установлено в начале настоящего приговора, наличность в настоящем деле общих экономических враждебных отношений фабричных рабочих, побудивших образовавшееся 7 мая 1901 г. скопище к совершению вышеописанных насилий, устанавливается теми, чисто экономического свойства требованиями, которые в начале образования скопища были предъявлены толпою рабочих в 150 человек, во дворе Обуховского завода начальнику этого завода, генерал-майору Власьеву, а именно: введения восьмичасового труда, уничтожения ночных работ и увеличения заработной платы, и, независимо от сего, теми криками, которые раздавались не только в это время, но и во время беспорядков, продолжавшихся толпою на улице — «Долой капиталистов!», «Нам нужна свобода!», «Наше отечество там, где хлеб!» и т. п., из чего ясно единство воли и настроения всех участников скопища. — По всем

вышеприведенным соображениям особое присутствие находит, что судебным следствием по настоящему делу вполне доказано и не подлежит никакому сомнению, что 7 мая 1901 г. рабочие Обуховского сталелитейного завода морского ведомства в селе Александровском Шлиссельбургского участка города С.-Петербурга, из побуждений, возникших под влиянием пропаганды на почве экономических отношений рабочих к капиталистам и неудовольствия распоряжениями начальства завода, собравшись толпою до 150 человек во дворе завода после обеденного перерыва, предъявили к начальству завода требования: о принятии рассчитанных в первых числах того же мая месяца рабочих за прогул, установлении восьмичасового рабочего дня, уничтожении ночных работ, увеличении заработной платы, установлении празднования 1 мая, а затем, тогда же, самовольно дав тревожный гудок о прекращении работ и заставляя угрозами прекращать работы в мастерских, их продолжавших, вызвали общую остановку действий завода и, собравшись толпою, направились с криком «ура», гиканьем и свистом со двора завода на Шлиссельбургский проспект, где, отказываясь подчиниться требованиям полицейских властей об очищении проспекта и соединившись с посторонними лицами, к ним примкнувшими, будучи объединены единством побуждений, вызвавших образование скопища, произвели также: ряд беспорядков, нападений на рабочих, запоздавших прекращением работ на заводе, и насилий над полицейскими чинами, водворявшими порядок, с шести же часов вечера, по окончании работ на соседних Карточной фабрике и Александровском заводе, сплотившись с другими рабочими, примкнувшими к ним из сочувствия побуждениям, вызвавшим самовольную остановку работ на Обуховском заводе, образовали скопище из массы людей в несколько тысяч, совокупными силами произвели насильственное противодействие вооруженным отрядам полиции и воинским командам, призванным для их рассеяния — отбивая их бросавшимися из толпы, дворов и домов камнями, во время чего некоторым полицейским чинам были нанесены телесные повреждения и побои, — пока, наконец, не были рассеяны выстрелами вызванной начальством военно-морской команды. Преступление это, как выше уже установлено, предусмотрено 2 ч. 269[1] ст. улож. о наказ.

Обращаясь засим к рассмотрению того фактического материала, который добыт судебным следствием в отношении виновности каждого из преданных суду по настоящему делу подсудимых в отдельности, особое присутствие находит, что из числа всех подсудимых прежде всего должны быть выделены: Анатолий Ермаков, Константин Стефан, Константин Медянцев, Ефрем Дахин, Иван Соловьев (он же Яблочкин) и Анатолий Гаврилов. Все эти подсудимые должны быть признаны виновными не только в том, что они из побуждений и при обстоятельствах, указанных выше, сознательно примкнув к образовавшемуся 7 мая 1901 г. скопищу, приняли непосредственное участие в беспорядках и оказанном соединенными силами скопища насильственном противодействии вооруженной силе, призванной для его рассеяния, но и в том, что они были в числе руководителей этого скопища, — при чем вполне изобличаются в этом следующими данными:

1. Анатолий Ермаков, рабочий Обуховского завода. Свидетельница Прасковья Михайлова, подручная в казенной винной лавке в селе Александровском, во всех частях подтвердившая на суде показание, данное ею на предварительном следствии, удостоверила, что в день беспорядков 7 мая 1901 г. она, находясь на Шлиссельбургском проспекте, близ шлагбаумов, встретила Ермакова, которого она знала уже раньше. Ермаков сказал ей: «Зачем вы заперли казенки? Мы бы выпили для храбрости», и вслед затем, отойдя от нее, сейчас же обратился к толпе и, взмахнув

руками, закричал: «Камни бросать!». По словам свидетельницы тотчас, как по сигналу, посыпался со всех сторон в полицейских из толпы настоящий град камней. Далее, по удостоверению той же свидетельницы, в квартире Ермакова бывали разные прокламации, а со слов его сестры, с которою она была хорошо знакома, она знает, что Ермаков ходил 22 апреля на Невский проспект, при чем у него был припасен и красный флаг. Последнее объяснение свидетельницы Михайловой, указывающее на занятие Ермакова революционною пропагандою, нашло себе подтверждение и в оглашенной на суде, по ходатайству товарища прокурора, справке, из которой усматривается, что Ермаков привлечен в настоящее время в качестве обвиняемого по 250 и 252 ст. улож. о наказ. Подсудимый Ермаков пытался на суде умалить правдивость показания свидетельницы Михайловой, совершенно голословно указывая на то, что Михайлова показывает на него по злобе, так как считалась его невестой, но он с нею разошелся. Вышеприведенные фактические данные приводят особое присутствие к несомненному убеждению в том, что подсудимый Ермаков был участником скопища 7 мая 1901 г., руководивший этим скопищем при учинении насильственного противодействия вооруженной силе, призванной для рассеяния сего скопища.

2. Константин Стефан, уволенный с Обуховского завода за прогул 1 мая 1901 г., равным образом изобличается в качестве руководителя скопищем, описанным выше, так как виновность его в этом вполне доказана показаниями свидетелей Максимова и Чугунова. Свидетель Максимов удостоверил, что подсудимый Стефан был во главе толпы, выбежавшей навстречу полицейским чинам из Церковного переулка, звал толпу за собою, бросал в полицию камнями, обругал околоточного надзирателя Трубецкого и, обращаясь к нему, закричал: «Подождите, вот как соберутся наши рабочие, так мы вам покажем наши порядки!». Свидетель же Чугунов объяснил, что в день беспорядков он видел подсудимого Стефана несколько раз, он бросал камнями в полицию и подбодрял окружавших его товарищей быть смелее. Что касается показания на суде свидетелей Сергея Талибинина и Марии Силиной, допрошенных по ходатайству подсудимого Стефана, то, по мнению особого присутствия, показания их едва ли могут в чем-либо поколебать правдивость показаний свидетелей Максимова и Чугунова, так как Талибинин и Силина удостоверили, что видели Стефана после 6 часов вечера, Талибинин — неотходящим от окна его квартиры, а Силина — спящим дома, т.-е. в то время, когда произведенные скопищем насильственные действия и буйство стали уже утихать.

3. Константин Медянцев, рабочий Путиловского завода, также изобличается в том, что был участником скопища 7 мая 1901 г., руководившим его насильственными против полиции и вооруженных команд действиями, описанными выше, при чем особое присутствие находит, что подсудимый Медянцев, в виду особой дерзости своего поведения, несмотря на несовершеннолетний возраст, не может быть признан лицом, вовлеченным в упомянутое преступление. Подсудимый Медянцев изобличается показаниями целого ряда свидетелей. Так, свидетель Михаил Халдеев, вполне подтвердивший свое показание, данное на предварительном следствии, удостоверил, что подсудимый Медянцев, в то время когда полиция хотела разломать ворота, ведущие во двор флигелей Карточной фабрики, кидал в полицию камнями, а затем, когда полицейские чины остановились в переулке около завода, теснимые толпою, — Медянцев находился впереди этой толпы, кидая в полицейских чинов камнями. Свидетель Виктор Степаненко объяснил, что еще до того времени, когда в полицию стали бросать камнями, он видел Медянцева среди других, отличавшихся особым буйством

рабочих, возбуждавших народ против полиции и кричавших: «Братцы, не поддавайтесь, нам ничего не значат ни полиция, ни солдаты!». Равным образом и свидетели Максимов и Чугунов показали, что видели подсудимого Медянцева во главе толпы рабочих, бросавшего в полицию камнями, а свидетель Келин удостоверил, что Медянцев был в числе лиц, покушавшихся разнести портерную и казенную винную лавку.

4. Ефрем Дахин, рабочий Александровского (Бердова) завода, безусловно изобличается в участии в качестве руководителя в вышеописанном преступном скопище. Еще до учинения означенным скопищем насильственных действий, выразившихся, между прочим, в бросании камнями в полицию, жандармов и воинскую команду, свидетели Страхович и Остроменский, как они удостоверили это на суде, видели подсудимого Дахина уговаривавшим толпу рабочих не расходиться, при чем Остроменский видел впоследствии Дахина около шлагбаумов, в толпе, из которой бросали камни в полицию. Засим свидетель Халдеев видел Дахина среди толпы, напавшей на околоточного надзирателя Костюшко-Валюжнича, при чем он возбуждал рабочих, крича: «Что же, братцы, неужели мы не постоим за своих? Возьмемся же за дело!»; впоследствии тот же свидетель видел, как Дахин, стоя у забора флигелей Карточной фабрики, кидал в полицию камнями, и подтвердил на суде, что по задержании Дахина у последнего, при обыске, был найден в кармане камень. Далее свидетель Степаненко, подтверждая показание, данное им на предварительном следствии, объяснил, что подсудимый Дахин особенно отличался во время возникновения беспорядков: ходил, махая тростью на полицию и на солдат, желая задеть их, чтобы кто-нибудь затронул его, и кричал: «Братцы, не поддавайтесь, нам ничего не значат ни полиция, ни солдаты!» Свидетель Максимов, подтверждая показание свидетеля Степаненко, удостоверил, кроме того, что подсудимый Дахин ударил палкой по спине чиновника полицейского резерва Войко, а во время возникших беспорядков был впереди толпы, подстрекая ее, и кричал: «Наша возьмет!»; последнюю часть показания Максимова вполне подтвердил и свидетель Щипарев. Наконец, свидетель Чугунов объяснил, что в день беспорядков он видел подсудимого Дахина несколько раз бросавшим камнями в полицию.

5. Иван Соловьев (он же Яблочкин), не имевший определенных занятий, равным образом достаточно изобличается в качестве участника-руководителя вышеописанного скопища. По удостоверению свидетелей Халдеева, Максимова, Щипарева и Чугунова, подсудимый Соловьев был во главе толпы и кидал в полицию камнями, а впоследствии «засел» во дворе флигеля Карточной фабрики, откуда бросал камнями в полицию; по показанию же Келина, подсудимый Соловьев, вместе с другими рабочими покушался на разгромление пивной и казенной винной лавок; и

6. Анатолий Гаврилов, не имевший определенных занятий, по показаниям свидетелей Павлова и Келина, еще ранее беспорядков 7 мая 1901 г., занимался распространением на Обуховском заводе прокламаций и, по удостоверению оглашенной на суде, представленной товарищем прокурора, справки, привлеченный в настоящее время в качестве обвиняемого в революционной пропаганде по ст. 250 и 252 улож. о наказ., изобличается в качестве руководителя преступным скопищем, имевшим место 7 мая 1901 г., показаниями на суде свидетелей: 1) Келина, объяснившего, что в день беспорядков он дважды видел Гаврилова: в первый раз в третьем часу дня, когда Гаврилов бросил в свидетеля сначала бутылкой, а потом камнем, побуждая к тому и других рабочих, а второй раз в седьмом часу вечера, когда Гаврилов не только руководил толпою, бросавшею в полицию камнями, но и сам бросал таковыми; 2) Щипарева, подтвердившего показание, данное им на предварительном след-

ствии о том, что Гаврилов все время беспорядков находился во главе толпы, броса- вшей камни, и особенно отличался при этом своею дерзостью, и 3) Бродовского, удостоверившего, что он слышал, как Гаврилов подстрекал толпу бросать камни, при чем видел, как он повел толпу к Петровскому переулку и как из этой толпы потом посыпались камни.

Переходя засим ко второй группе подсудимых, изобличаемых лишь в участии в установленном выше скопище 7 мая 1901 г., сознательно к нему примкнувших и принявших непосредственное участие в беспорядках и оказанном соединенными силами скопища насильственном противодействии вооруженной силе, призванной для его рассеяния, — особое присутствие находит, что к числу подсудимых этой группы должны быть отнесены:

1. Александр Александров, не имевший определенных занятий, по показаниям свидетелей Максимова, Щипарева и Чугунова бросавший в полицию камнями. Подсудимый Александров, по обвинительному акту, был причислен к лицам, руководившим преступным скопищем, имевшим место 7 мая 1901 г., но особое присутствие находит, что произведенное по настоящему делу судебное следствие не дало достаточных фактических данных к признанию Александрова руководителем скопища при учинении насильственного противодействия вооруженной силе или подстрекателем к учинению или продолжению сего противодействия.

2. Александр Зайцев, рабочий Обуховского завода, согласно точному и определенному показанию свидетеля Ивана Голубева, «с особым азартом» бросал камнями в полицию. Спрошенные на суде, по ходатайству подсудимого Зайцева, свидетели: Евдокия и Екатерина Гумазовы и Марк Шамарин, в сущности ничего, в опровержение правдивого показания свидетеля Голубева, не удостоверили. Свидетельница Евдокия Гумазова объяснила, что пришла к подсудимому Зайцеву в пятом часу дня, застала его дома и пробыла у него с четверть часа; Екатерина Гумазова, — что она была в доме, где живет Зайцев, в пять часов дня, оставалась там около часа и видела в это время Зайцева ходившим по коридору с ребенком, а Шамарина, — что ничего дурного про подсудимого Зайцева сказать не может и что не помнит, чтобы видела его 7 мая.

3. Александр Калинин, рабочий Обуховского завода. Свидетель подполковник Иванов удостоверил на суде, что он с уверенностью признает подсудимого Калинина, которого хорошо помнит вследствие его дерзкого, задирчивого поведения еще в начале беспорядков, во дворе Обуховского завода; по словам свидетеля, именно Калинин выступил из толпы, подбоченясь и сказав: «Так я скажу», стал излагать требования толпы как ему, свидетелю, так и начальнику завода Власьеву о повышении заработной платы, восьмичасовой работы и проч., при чем вел себя непозволительно дерзко. Засим свидетель Чугунов объяснил, что он видел, как Калинин бросал камнями в полицию. Достоверность этих показаний ничем со стороны подсудимого Калинина не опровергнута. Спрошенная, по просьбе подсудимого, свидетельница Наталья Горбатова удостоверила лишь, что подсудимый был у нее в седьмом часу вечера 7 мая 1901 г., каковое обстоятельство, несомненно, не исключало возможности участия Калинина в преступном скопище, имевшем место того же 7 мая.

4. Захар Анисимов (он же Андреев), рабочий Обуховского завода. Свидетель Чугунов удостоверил, что он видел, как подсудимый бросал камнями в полицию, а свидетель Максимов подтвердил, что подсудимый Анисимов, в числе других рабочих, бежал впереди наступавшей на полицейских чинов толпы, с криком, в то время когда чины эти отступали в переулок, при чем из этой толпы в полицию сыпались градом

камни. В опровержение приведенных показаний свидетелей Чугунова и Максимова, в правдивости которых особое присутствие не сомневается, свидетели, опрошенные по ходатайству подсудимого Анисимова: жена его Александра Павлова, отец Анисим Андреев, дядя Созонт Васильев и знакомая Акулина Рябова, в сущности ничего в пользу его невиновности не показали. Особое присутствие находит, что по настоящему делу безусловно не доказано, чтобы свидетели Максимов и Чугунов имели какое бы то ни было основание облыжно обвинять подсудимого Анисимова, вследствие чего нельзя признать внушающими к себе доверие показания вышеназванных свидетелей о том, что подсудимый Анисимов, по прекращении работ на Обуховском заводе, все время был дома и никакого участия в приписываемом ему преступлении принимать не мог.

5. Павел Константинов, рабочий Обуховского завода, по показанию свидетелей: Щипарева — засел во дворе флигелей Карточной фабрики, откуда бросал камнями в полицию, а затем, когда полиция должна была отступить к Петровскому переулку, вышел из калитки и бросал в нее камнями, при чем с криком шел впереди толпы, и Чугунова — бросал камни в полицию. В опровержение показаний этих свидетелей, по просьбе подсудимого Константинова, были допрошены на суде свидетели: Евгения Антонова, Варвара Боголепова, Надежда Малоземова, Матрена Гаврилова и Дарья Яковлева. Все они, однако же, ничего, служащего к оправданию подсудимого Константинова, не показали, объясняя лишь голословно, что подсудимый, во время беспорядков, был дома и никуда не отлучался.

6. Дмитрий Ситников, рабочий Обуховского завода, по показанию свидетеля Щипарева, засел во дворе флигелей Карточной фабрики, откуда бросал в полицию камнями, а затем, когда полиция отступила, в виду сыпавшегося на нее града камней, с криком шел во главе наступавшей на полицию толпы, а по удостоверению свидетеля Чугунова — бросал в полицию камнями. Свидетели Дарья Иванова, Варвара Милешина и Надежда Матвеева, опрошенные на суде по просьбе подсудимого Ситникова, ничего существенного в оправдание его не удостоверили и во всяком случае не поколебали правдивости показаний свидетелей Щипарева и Чугунова. Дарья Иванова объяснила, что когда она вечером заходила к Ситниковым, то застала всю семью сидевшею за чаем, она посидела немного, а затем ушла. Ситников же лег на диван, Варвара Милешина — что в восьмом часу вечера она вбежала в квартиру Ситниковых, куда вслед за нею вошло двое городовых и взяли Ситникова с дивана, где он спокойно лежал, а Надежда Матвеева — что заходила в квартиру Ситниковых в четвертом часу и с тех пор не видала его до того времени, когда его забрали. Очевидно, ни одно из этих объяснений не исключает возможности участия подсудимого Ситникова в вышеописанном преступлении, точно установленного показаниями свидетелей, очевидцев Щипарева и Чугунова.

7. Михаил Федоров, рабочий Обуховского завода. Свидетель Чугунов удостоверил, что видел подсудимого Федорова бросающим камнями в полицию, а из прочитанного на суде показания свидетеля Швейновского усматривается, что Федоров находился в толпе народа, стоявшей на траве около переулка, в котором находилась полиция. Он шнырял по толпе рабочих и бросал в полицию камнями, выбегая из толпы и что-то крича. Признавая посему подсудимого Федорова виновным в участии в преступном скопище, описанном выше и образовавшемся 7 мая 1901 г., особое присутствие вместе с тем находит, что по обстоятельствам настоящего дела, выясненным на суде, представляется доказанным, что подсудимый Федоров, будучи несовершеннолетним, вовлечен в это преступление лицами совершеннолетними.

8. Дмитрий Кокушкин, рабочий Обуховского завода. По показанию свидетеля Чугунова, бросал в полицию камнями, а оглашенным на суде показанием свидетеля Швейновского удостоверено, что подсудимый Кокушкин, вместе с вышеупомянутым подсудимым Федоровым, находился в толпе народа, стоявшей на тракте около переулка, в котором находилась полиция; он так же, как и Федоров, «шнырял» по толпе рабочих и бросал в полицию камнями, выбегая из толпы и что-то крича. В опровержение этих показаний, в доказательство того обстоятельства, что подсудимый Кокушкин во время беспорядков 7 мая 1901 г. все время безотлучно находился дома, по просьбе Кокушкина, были вызваны и допрошены на суде свидетельницы: сестра его Мария Царева и Серафима Пискарева. Между тем свидетельницы эти объяснения подсудимого не удостоверили, показав: Мария Царева — что она пришла к Кокушкину в 7 часов вечера и не знает, когда пришел ее брат, а Серафима Пискарева, утверждая, что Кокушкин был все время дома и никуда не отлучался, объяснила, однако же, что она пришла к нему в 6 часов вечера, а ранее его не видала. Признавая, вследствие сего, подсудимого Кокушкина виновным в вышеописанном преступлении, особое присутствие, вместе с тем, находит, что по обстоятельствам дела подсудимый, в виду его несовершеннолетия, был вовлечен в это преступление лицом совершеннолетним.

9. Дмитрий Вересов, рабочий Обуховского завода. По показанию свидетеля Максимова, подсудимый наступал на полицию и бросал в нее камнями, а по показанию свидетеля Чугунова — Вересов был в толпе, из которой в полицию бросал камнями. В опровержение этих показаний, по ходатайству подсудимого Вересова, была опрошена на суде свидетельница Наталия Горбатова, удостоверившая, однако, что Вересов был у нее в седьмом часу вечера, что, несомненно, не исключало возможности участвовать подсудимому в описанных беспорядках до того времени. Признавая таким образом подсудимого Вересова виновным во вменяемом ему в вину преступлении, особое присутствие, вместе с тем, находит, что и в отношении этого подсудимого, несовершеннолетнего во время совершения им преступления, по обстоятельствам дела представляется доказанным, что он был в это преступление вовлечен лицом совершеннолетним.

10. Василий Багров, не имевший никаких занятий. Свидетель Пархомович удостоверил, что видел Багрова около шлагбаумов в то время, когда еще не бросали каменьями в полицию; он был в толпе, кричал и «озорничал», а свидетели Беньковский и Матеюнас, признав на суде подсудимого Багрова, показали, что на другой день беспорядков 7 мая 1901 г. Багров рассказывал им, что он сам видел, как народ бесчинствовал и бросал камнями в полицию и войска, а на вопрос Беньковского, что он, Багров, сам делал, отозвался, что он также не бездействовал, а бросал в полицейских камнями, при чем одним камнем попал в лошадь городового, а затем швырнул камнем в полковника с длинной черной бородой и попал ему в голову, так что полковник упал и при этом шапка у него слетела с головы, а кто-то другой из толпы в это же время попал камнем полковнику в ногу.

11. Николай Чирков, рабочий Александровского (Бердова) завода. По показанию свидетеля Максимова, удостоверившего, что он хорошо знал в лицо Николая Чиркова, последний бежал впереди наступавшей на полицию толпы с криком, и из этой толпы в полицию градом сыпались камни; последнее обстоятельство вполне подтвердил и свидетель Чугунов.

12. Евдоким Трушин, рабочий Александровского (Бердова) завода, изобличается в участии в вышеописанном преступном скопище показаниями свидетелей-

очевидцев Максимова и Чугунова. Первый из этих свидетелей удостоверил, что он знал в лицо Трушина и видел его в день беспорядков бежавшим впереди наступавшей на полицию толпы, с криком, при чем из этой толпы градом сыпались в полицию камни, а второй, подтверждая показание Максимова, объяснил, что видел подсудимого Трушина в толпе, откуда в них, полицейских, бросали камнями. Признавая посему подсудимого Трушина виновным в приписываемом ему преступлении, особое присутствие находит, однако же, что подсудимый, как несовершеннолетний, по обстоятельствам настоящего дела должен быть признан вовлеченным в это преступление лицом совершеннолетним.

13. Виталий Соколов, рабочий Александровского (Бердова) завода. Свидетель Максимов, знавший подсудимого Соколова в лицо, показал, что видел его в день беспорядков впереди толпы, наступавшей на полицию, при чем из этой толпы градом сыпались на полицию камни; то же самое подтвердил и свидетель, очевидец беспорядков, Чугунов. Из показаний допрошенных на суде, по просьбе подсудимого Соколова, свидетельниц Надежды Ивановой и Аграфены Шумковой — его квартирной хозяйки, усматривается, что в опровержение вышеприведенных показаний свидетелей Максимова и Чугунова они ничего, исключающего виновность Соколова в описываемом ему преступлении, удостоверить не могли. Надежда Иванова показала, что Виталия Соколова она знает, но 7 мая его не видела, а Аграфена Шумкова — что Соколов пришел домой в 6 часов вечера, пил чай, через полчаса ужинал, а затем ушел из дома и более домой не возвращался.

14. Александр Щербаков, не имевший никаких занятий. По показанию свидетеля Максимова, наступал на полицию в толпе рабочих, при чем из этой толпы в полицейских чинов сыпался град камней, а по показанию свидетеля Чугунова — Щербаков бросал камнями в полицию. Вызванные и допрошенные, по просьбе подсудимого Щербакова, свидетельницы — мать его Аграфена Щербакова и Александра Голубева удостоверили лишь, что видели его дома в 6 часов вечера.

15. Александр Тарасов, определенных занятий не имел. Свидетель Максимов удостоверил, что знал подсудимого в лицо и видел, как он бежал впереди наступавшей на полицию толпы, с криком, в то время, как полиция отступала, при чем из этой толпы в нее градом сыпались камни, а свидетель Щипарев показал, что подсудимый Тарасов засел во дворе флигелей Карточной фабрики, откуда в полицию бросали камнями, когда полиция стала отступать к Петровскому переулку. Тарасов выходил из калитки на проспект и бросал в полицию камни, а когда вся толпа, выйдя на проспект, стала наступать на полицию, то Тарасов, вместе с другими лицами, шел впереди толпы. Спрошенные на суде, по ходатайству о том подсудимого Тарасова, свидетели Василий Воронин и Иван Афанасьев ничего в доказательство невиновности его не удостоверили, так как объясняли лишь, что встретили его в Троицком переулке уже в девятом или десятом часу вечера, о том, что происходило на Шлиссельбургском проспекте, не разговаривали, а потом Афанасьев пошел с Тарасовым в Обуховскую покойницкую смотреть убитого человека.

16. Александр Богданов, не имевший определенных занятий. По показанию свидетеля Максимова, подсудимый, которого свидетель знает в лицо, бежал впереди наступавшей на полицию толпы, с криком, при чем из этой толпы в полицию градом сыпались камни, а по показанию свидетеля Чугунова он сам видел, как подсудимый Богданов в то время, когда полиция была в переулке, бросал в нее камнями.

17. Семен Машистов, не имевший никаких занятий, изобличается показаниями свидетелей Максимова и Чугунова: первый из них удостоверил, что, зная

подсудимого Машистова в лицо, видел, как он бежал впереди толпы, наступавшей на полицейских чинов, при чем из этой толпы градом сыпались в полицию камни, и второй — что видел подсудимого в толпе, из которой бросали камнями в полицию.

18. Михаил Кириллов, — никаких занятий не имел. Виновность этого подсудимого находит себе полное подтверждение в показаниях тех же свидетелей Максимова и Чугунова. Первый из них видел подсудимого бежавшим впереди толпы, из которой градом сыпались в полицию камни, а второй видел его также в толпе, которая бросала камнями в полицию. В доказательство своей невиновности подсудимый Кириллов сослался на свидетельниц Любовь и Ульяну Ивановых, показания которых, данные на суде, едва ли заслуживают какого-либо доверия, так как Любовь Иванова объяснила, что Кириллов никуда не уходил из дома 7 мая 1901 г., пока его не забрали, а Ульяна Иванова — что он пришел к ним в 6 часов вечера и сидел со своей невестой, пока не пришла полиция и не забрала его.

19. Тимофей Завалишин, не имевший определенных занятий, вполне изобличается в участии в скопище, образовавшемся 7 мая 1901 г., заслуживающим полного доверия показанием свидетеля Ивана Голубева, приказчика мясной лавки по проспекту села Александровского, признавшего подсудимого как на предварительном следствии, так и на суде. Согласно показанию этого свидетеля, Завалишин, которого свидетель и раньше хорошо знал, во время беспорядков, возникших около шлагбаумов, бросил камень, метя в жандармского офицера, молодого блондина в очках, но в офицера промахнулся, а попал в его лошадь. В виду этого показание опрошенных на суде, по ходатайству подсудимого Завалишина, свидетельниц Анны Евстигнеевой и Натальи Петровой, удостоверивших, что они были в 5 часов пополудни у Завалишина, застали его пьющим чай с женой, при чем он никуда из дома не отлучался, не заслуживают, по мнению особого присутствия, никакого доверия.

Засим, к числу подсудимых, изобличаемых в том, что они 7 мая 1901 г. из сочувствия побуждениям, указанным выше, и при обстоятельствах, описанных выше, сознательно примкнули к скопищу, способствовали оказанному соединенными силами скопища насильственному противодействию вооруженной силе, призванной для его рассеяния, тем, что доставляли участникам скопища камни, бросавшиеся в вооруженные команды, — должны быть отнесены:

1. Марфа Яковлева, работница на Карточной фабрике, подсудимая, как об этом уже упомянуто выше, признала себя виновною в означенном преступлении, и это сознание ее представляется вполне согласным с показаниями на суде свидетелей Леонида Петерса и Андрея Гаврилова. Что касается затем вопроса о том, была ли подсудимая Яковлева, в виду ее несовершеннолетия, вовлечена в это преступление лицом совершеннолетним, то, по мнению особого присутствия, вопрос этот должен быть разрешен отрицательно. Подсудимая Яковлева действовала вполне сознательно, потому что как на предварительном следствии, так и на суде, признавая себя виновною в приписываемом ей преступлении, она прямо заявила, что действовала так из сочувствия к рабочим; в виду этого, несмотря на ее несовершеннолетие, не может быть и речи о вовлечении ее в упомянутое преступление лицом совершеннолетним, и

2. Лидия Бурчевская, работница на Карточной фабрике. Свидетель Леонид Петерс, заведующий домами ведомства императрицы Марии, удостоверил на суде, что 7 мая 1901 г., по прекращении беспорядков, он слышал от дворников флигелей Карточной фабрики, что подсудимая Бурчевская принимала деятельное участие в беспорядках, выбирая камни из мостовой дворов и подавая их тем лицам, которые бросали камни в чинов полиции, а свидетель Андрей Гаврилов показал, что он был оче-

видцем того, как Бурчевская, в подоле платья, относила камни к тем, которые швыряли камнями в полицию. Признавая вследствие сего подсудимую Лидию Бурчевскую виновною в предъявленном к ней обвинении, особое присутствие находит вместе с тем, что по обстоятельствам настоящего дела подсудимую, в виду ее несовершеннолетия, следует считать вовлеченною в это преступление лицом совершеннолетним.

Обращаясь засим к предъявленным к подсудимому Афанасию Красулину, рабочему Обуховского завода, обвинениям: 1) в том, что 7 мая 1901 г., из побуждений и при описанных выше обстоятельствах, сознательно примкнул к скопищу, принял непосредственное участие в беспорядках и оказанном соединенными силами скопища насильственном противодействии вооруженной силе, призванной для его рассеяния, и 2) в том, что 7 же мая 1901 г., он, Красулин, во время рассеяния скопища, оказывая сопротивление городовому конно-полицейской стражи Матвею Николенко, пытавшемуся его задержать, для избежания поимки, с умыслом лишить его жизни, нанес Николенко три удара ножом в руку, спину и бок, причинив ему две раны, но по независевшим от него обстоятельствам не успел привести своего намерения в исполнение, особое присутствие находит, что обвинение подсудимого Красулина в первом из вышеприведенных преступных деяний положительно никакими фактическими данными не подтвердилось, почему и должно быть признано недоказанным. Что же касается второго обвинения подсудимого Красулина, то обвинение это представляется, по мнению особого присутствия, прочно на суде установленным.

Свидетель Николенко удостоверил на суде, что 7 мая 1901 г., в десятом часу вечера, выехав с тремя товарищами в Станционную улицу, чтобы удалить толпившийся еще кое-где народ, на них стали падать бросаемые из-за забора дома № 3-5 камни. Когда они проникли во двор этого дома находившиеся там люди разбежались, кроме одного, которого он, Николенко, хотел задержать; он взял его за пальто, но человек этот стал упираться и, в свою очередь, схватил Николенко, увлек его в темный коридор дома, где несколько раз ударил его чем-то, так что у него фуражка слетела с головы и в груди у него «дыхание сперло». Освободившись от этого «злоумышленника», лица которого он в темноте не запомнил, свидетель обнаружил, что левая рука повыше кисти у него проколота, а на спине и на боку пальто в двух местах прорезано, при чем удар в бок проник в тело и причинил колотую рану, из которой шла кровь, так что свидетеля сейчас же отвезли в заводскую больницу и там оказали первую медицинскую помощь. Показанием же свидетеля Александра Зимина с точностью установлено, что свидетель этот был очевидцем того, как Красулин схватил одного из городовых, проникших во двор дома № 3-5 по Станционной улице, где Зимин сам проживает, пытавшегося задержать Красулина, за рукав и потащил его в коридор. Свидетель Зимин из квартиры, в которую он вслед засим спрятался, слышал, как кто-то, Красулин или городовой, говорили: «Отпусти, отпусти!»; когда все стихло, Зимин вышел во двор и заметил Красулина, который жаловался некоему Павлу, жившему в их доме, что городовой его хлестнул по руке нагайкой, и прибавил, что за то и он городового «помял хорошо, будет помнить». Тогда же от других (бывших на дворе) Зимин слышал, что Красулин ранил городового ножом так, что городовой зашатался, но впрочем сам же уехал оттуда верхом на лошади; при том свидетель Зимин добавил, что раньше видел у Красулина кинжальчик в кожаных ножнах. Спрошенный на суде, по ходатайству подсудимого Красулина, свидетель Василий Николаев ничего в оправдание подсудимого не объяснил, показав только, что ни в чем дурном Красулин замечен не был, жил хорошо и зарабатывал много. Переходя, в заключение, к предъявленному к подсудимому Александру

Ковальскому обвинению в том, что 7 мая 1901 г., по уговору с другими лицами, придя к Обуховскому сталелитейному заводу для участия в задуманном насильственном противодействии чинам полиции и воинской команды и желая проникнуть на завод, куда его не допускал сторож Алексей Курников, в запальчивости и раздражении, в намерении лишить его жизни, нанес ему ножом в голову в шею и спину девять ран, но, по обстоятельствам, от него независящим, намерения своего выполнить не успел, — особое присутствие находит, что в отношении этого обвинения судебным следствием установлены нижеследующие фактические данные. Свидетель Алексей Курников — сторож при Обуховском заводе, удостоверил, что 7 мая 1901 г., в то время, когда рабочие шумели и кричали «ура» во дворе завода, ему пришлось находиться у выходных дверей близ установочной мастерской и вместе с другими сторожами не допускать с воли тех, кто «любопытствовал» проникнуть внутрь двора. В числе этих любопытных были какие-то мальчишки и неизвестный свидетелю человек, в котором он впоследствии безошибочно признал подсудимого Ковальского. Свидетель не допустил его, как и других, в калитку; он было отошел, но только-что свидетель отвернулся, как человек этот быстро наскочил на него и ударил несколько раз в голову и плечи, повидимому ножом. От нанесенных свидетелю Курникову ран он сейчас же обессилел, и что было затем — не помнит. Это показание Курникова нашло себе во всех частях полное подтверждение в показаниях свидетелей Петра Дорохова и Василия Гаврилова, тех сторожей Обуховского завода, которые были у ворот вместе с Курниковым. Наконец свидетель, околоточный надзиратель Лесневич, удостоверил как на предварительном следствии, так и на суде, что, находясь, по распоряжению пристава Сафонова, на посту близ Обуховского завода, он заметил, что у забора с воротами и калиткой близ станочной мастерской собралось много мальчишек и посторонних людей, которые через щели забора смотрели на то, что происходит во дворе. Вдруг вся эта публика отхлынула от забора. Свидетель полагал, что мастеровые ломятся в ворота, но вслед затем заметил, как двое между собою как-будто борятся, пока, наконец, один из них не одолел противника, повалив его на землю, и тогда он, на глазах свидетеля Лесневича, нанес упавшему несколько ударов в голову. Свидетель бросился к нападавшему, но он, заметив приближение свидетеля, покушался было скрыться, однако же был им задержан и доставлен в заводскую контору; оказалось, что он нанес несколько резаных ран сторожу при воротах завода. При обыске в конторе у него за голенищем правого сапога найден был уже сложенный нож, запачканный в крови. Таковы все фактические данные, добытые судебным следствием в отношении предъявленного к подсудимому Ковальскому обвинения. Из содержания их, по мнению особого присутствия, нельзя не притти к тому заключению, что обвинение подсудимого Ковальского в том, что он пришел 7 мая 1901 г. к Обуховскому заводу, по уговору с другими лицами, для участия в задуманном насильственном противодействии чинам полиции и воинской команды, представляется ничем по делу недоказанным. Вследствие сего и принимая во внимание: 1) что показаниями свидетелей Курникова, Дорохова, Гаврилова и Лесневича подсудимый Ковальский безусловно изобличается в нанесении ножом ран сторожу Обуховского завода Курникову; 2) что ни предварительным, ни судебным следствиями не добыто никаких указаний на то, чтобы подсудимый Ковальский мог питать злобу к Курникову, который Ковальского вовсе не знал; 3) что посему насильственные действия, совершенные Ковальским, могут быть объяснены исключительно его раздражением против Курникова за то, что последний не допустил его проникнуть во двор Обуховского завода, и 4) что значительное количество — девять ран, нанесен-

ных Ковальским Курникову ножом в голову и шею, свидетельствуют о несомненном намерении Ковальского лишить Курникова жизни, — особое присутствие находит, что подсудимый Ковальский должен быть признан виновным в покушении на убийство Курникова в запальчивости и раздражении.

Последнюю группу подсудимых, преданных суду по настоящему делу, составляют подсудимые, против которых судебным следствием не добыто достаточных данных для признания их виновными в предъявленном к ним обвинении. К числу этих подсудимых должны быть отнесены: Григорий Емельянов, Николай Семенов, Михаил Пошехонов, Иван Николаев (он же Иванов), Дмитрий Петров, Александр Даувальтер, Дмитрий Саженников и Андрей Чирков. Обсуждая улики, добытые судебным следствием в отношении каждого из вышепоименованных подсудимых в отдельности, которые, по мнению особого присутствия, не могут быть признаны достаточными для обвинения этих подсудимых, — особое присутствие находит, что:

1. Григорий Емельянов не может быть признан виновным в предъявленном к нему обвинении потому, что свидетель Чугунов, указывая на предварительном следствии на участие Емельянова в вышеописанном преступном скопище в качестве руководителя такового, на суде не мог, однако же, с точностью этого удостоверить, ссылаясь на то, что ему вообще трудно было запомнить всех участвовавших тогда в беспорядках лиц, а между тем свидетели Федор Петялин и Мария Будзинская, показаниям которых особое присутствие не имеет оснований не доверять, объяснили на суде, что подсудимый Емельянов, человек, совершенно больной, с трудом подымающийся на лестницу, во время беспорядков никуда из дома не отлучался, при чем они видели его в это время, вместе с женою и детьми, совершенно спокойным во дворе дома, в котором он живет.

2. Николай Семенов изобличался на предварительном следствии показанием одного только свидетеля Степаненко, который на суде, по прочтении ему показания, данного на предварительном следствии, категорически заявил, что подсудимого Семенова в качестве участника в беспорядках 7 мая 1901 г. он, Степаненко, припомнить не может, а спрошенный по ходатайству подсудимого свидетель Илья Хрущев, показание которого ни в чем на суде опровергнуто не было, — объяснил, что, услыхав, что убили человека, пошел, вместе с подсудимым, его посмотреть, а в это время их забрали.

3. Михаил Пошехонов изобличался на предварительном следствии показанием одного только свидетеля Максимова, не удостоверившего, однако же, на суде, чтобы он видел подсудимого в качестве участника в беспорядках 7 мая 1901 г., в чем-либо проявлявшего свое участие, а заметил подсудимого лишь в толпе, из которой бросали камни. При этом особое присутствие не может не принять во внимание показание на суде свидетельницы Анисьи Петровой, хорошо знающей подсудимого, что он человек совсем тихий, «даже мухи не убьет».

4. Иван Николаев (он же Иванов) уличался показаниями свидетелей Щипарева и Чугунова, показания которых по отношению к этому подсудимому, по мнению особого присутствия, не могут быть признаны достаточно убедительными для признания виновности подсудимого доказанною. Показания эти сводятся лишь к тому, что подсудимый Николаев находился во дворе флигелей Карточной фабрики, откуда бросали камнями в полицию. Имея в виду, что из-за забора этих флигелей трудно было с надлежащей точностью определить, кто именно бросал в полицию камнями, — особое присутствие находит, что свидетели Щипарев и Чугунов легко могли оши-

биться в признании подсудимого Николаева, тем более, что, по удостоверению на
суде свидетельниц Устиньи Николаевой, Веры Ивановой и Анны Андреевой, не дове-
рять правдивости показаний коих особое присутствие не имеет оснований, — подсу-
димый Николаев во время беспорядков находился дома и никуда не отлучался.

5. Дмитрий Петров. В отношении этого подсудимого также не установлено
на суде достаточных данных для признания его виновным, так как по делу против
него имеются те же улики: показание свидетеля Чугунова, однородное с тем, которое
дано им о подсудимом Николаеве, и показание свидетеля Максимова, что подсудимый
Петров находился в толпе, из которой бросали камнями в полицию. Независимо от сего,
спрошенные на суде по ходатайству подсудимого свидетельницы Наталья и Анисья
Петровы, показаниям которых особое присутствие не имеет оснований не доверять,
удостоверили, что подсудимый был все время дома, был выпивши и с обеда спал.

6. Александр Даувальтер, к обвинению которого послужили те же недо-
статочно определенные показания свидетелей Максимова и Чугунова, равным образом,
по мнению особого присутствия, не может быть признан виновным в приписываемом
ему преступлении, тем более, что вполне достоверным и со стороны обвинения ни
в чем не опровергнутым показанием свидетеля Ивана Глебина на суде установлено,
что подсудимый Даувальтер во время беспорядка 7 мая 1901 г. приходил к Глебину
за получением денег за изготовленные им рамки, пробыл у него полтора часа,
а затем до 10 ч. вечера просидел вместе с свидетелем в трактире.

7. Дмитрий Саженников не может быть признан, по мнению особого
присутствия, виновным потому, что, кроме изобличавшего его показания свидетеля
Чугунова, заявившего, однако же, на суде, что ему трудно припомнить всех лиц,
участвовавших в беспорядках 7 мая 1901 г., никаких других данных к обвинению
подсудимого Саженникова на судебном следствии не установлено; и

8. Андрей Чирков, против которого судебным следствием также не добыто
достаточно точных данных для признания его виновным, изобличался показаниями
Максимова и Чугунова, видевших его не в качестве активного участника в беспоряд-
ках 7 мая, а лишь в толпе, из которой бросали в полицию камнями. Показания эти
особое присутствие не может, однако же, признать вполне достоверными как в виду
возможной со стороны этих свидетелей ошибки, так и в виду ни в чем неопровергну-
того на суде показания свидетельницы Евгении Гут, что она видела Андрея Чиркова
7 мая дома и что вообще он никогда ни с кем из мастеровых знакомства не водил.

По всем вышеприведенным соображениям особое присутствие находит, что
подсудимые: Григорий Емельянов, Николай Васильев Семенов, Михаил Петров
Пошехонов, Иван Николаев (он же Иванов), Дмитрий Игнатьев Петров,
Александр Александров Даувальтер, Дмитрий Васильев Саженников
и Андрей Иванов Чирков, на основании 1 п. 771 ст. уст. угол. суд. должны быть
признаны по обвинению их в приписываемом им преступном деянии по суду оправдан-
ными.

Преступное деяние, в коем, на основании установленных выше фактических
данных, признаны виновными подсудимые: Анатолий Ермаков, Анатолий Гаврилов,
Константин Стефан, Ефрем Дахин, Иван Соловьев (он же Яблочкин) и Константин
Медянцев предусмотрено 2 и 4 ч. 269^1 ст. улож. о наказ. преступное деяние, в коем
признаны виновными Александр Александров, Александр Зайцев, Александр Калинин,
Захар Анисимов (он же Андреев), Павел Константинов, Дмитрий Ситников, Василий
Багров, Николай Чирков, Виталий Соколов, Александр Щербаков, Александр Тарасов,
Александр Богданов, Семен Машистов, Михаил Кириллов, Тимофей Завалишин,

Дмитрий Кокушкин, Михаил Федоров, Дмитрий Вересов, Евдоким Трушин, Марфа Яковлева и Лидия Бурчевская, — предусмотрено 2 ч. 269^1 ст. улож. о наказ., и преступления, в совершении коих изобличены Афанасий Красулин и Александр Ковальский, первое: 9 и 2 ч. 1459 ст. улож. о наказ. и второе — 9 и 2 ч. 1455 ст. того же уложения.

Обращаясь вследствие сего к определению следующего подсудимым на основании вышеприведенных законов наказания, особое присутствие находит, что из числа указанных в 2 ч. 269^1 ст. улож. о наказ., предусмотренных 6 и 7 степ. 19 ст. улож. о наказ., согласно 149 ст. улож. о наказ., по обстоятельствам настоящего дела, заключающимся в том, что судебным следствием не доказано предварительное между подсудимыми соглашение, а равно не установлено, чтобы во время насильственного противодействия вооруженным отрядам полиции и воинской команды, призванным для рассеяния образовавшегося 7 мая 1901 г. скопища, были бы произведены в полицию и команду выстрелы из огнестрельного оружия, — представляется справедливым избрать для всех подсудимых, кроме Красулина и Ковальского, нормальным наказанием наказание по 7 степени 19 ст. улож. о наказ., при чем особое присутствие не усматривает оснований к увеличению в степени наказания всем тем подсудимым, которые, согласно 4 ч. 269^1 ст. улож. о наказ., признаны руководителями скопища 7 мая 1901 г. при учинении им насильственного противодействия вооруженной силе.

Таким образом: I. Подсудимые Анатолий Ермаков, 22 лет, и Анатолий Иванов Гаврилов, 32 лет, подлежат, на основании 2 и 4 ч. 269^1, 149 и 7 степени 19 ст. улож. о наказ., лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы, как лица, более всех других выдававшиеся своей преступной деятельностью, и притом: Ермаков — сроком на пять лет, а Гаврилов на шесть лет, с последствиями по 25 ст. улож. о наказ. II. Подсудимые: Константин Иванов Стефан, 36 лет, Ефрем Степанов Дахин, 30 лет, и Иван Ильин Соловьев (он же Яблочкин), 24 лет, подлежат наказанию на основании 2 и 4 ч. 269^1 и 149 ст. улож. о наказ. по 7 степ. 19 ст. улож. Имея же в виду, что вменяемое им в вину преступление учинено ими по крайнему легкомыслию, — особое присутствие признает справедливым, согласно 134 и 135 ст. улож. о наказ., уменьшить им это наказание на две степени, назначив таковое на основании закона 10 июня 1900 г. (отд. II, л. А) по последней части 2 ст. временных правил к высшей мере, т.-е. лишив их всех особенных, лично и по состоянию присвоенных им, прав и преимуществ, отдать в исправительные арестантские отделения каждого сроком на пять лет, с заменою, в случае надобности, по 77 ст. улож. о наказ. и с последствиями по ст. 4 и 5, III отдел. лит. А закона 10 июня 1900 г. III. Подсудимый Константин Иванов Медянцев, 18 лет, на основании 2 и 4 ч. 269^1, 149 ст. улож. о наказ., подлежит наказанию по 7 степени 19 ст. улож. о наказ. В виду же учинения им этого преступления по крайнему легкомыслию, представляется справедливым уменьшить Медянцеву следуемое ему по 7 степени 19 ст. улож. наказание на две степени, назначив таковое, согласно закона 10 июня 1900 г. (отд. II, лит. А) по последней части 2 ст. временных правил этого закона о замене ссылки, при чем, согласно 140 ст. улож. о наказ., в виду несовершеннолетия Медянцева, уменьшить ему это наказание на одну степень, назначив таковое в окончательном выводе по 1 степени 31 ст. улож. о наказ., т.-е. заключить его в тюрьму без лишения прав и без последствий, указанных в 3 и 4 ст. III отд. закона 10 июня 1900 г., сроком на четыре года. IV. Подсудимые: Александр Александров, 22 лет, Александр Андреев Зайцев, 25 лет, Александр Савельев Калинин, 30 лет, Захар Анисимов (он же Андреев), 26 лет, Павел Александров Константинов, 27 лет, Дмитрий Михайлов Ситни-

ков, 26 лет, Василий Моисеев Багров, 28 лет, Николай Иванов Чирков, 21 года, Виталий Ефремов Соколов, 25 лет, Александр Иванов Щербаков, 24 лет, Александр Степанов Тарасов, 23 лет, Александр Елисеев Богданов, 25 лет, Семен Петров Машистов, 22 лет, Михаил Евдокимов Кириллов, 22 лет, и Тимофей Степанов Завалишин, 29 лет, подлежат все, на основании 2 ч. 269^1 и 149 ст. улож., наказанию по 7 степ. 19 ст. улож. Имея засим в виду крайнее легкомыслие и невежество названных подсудимых при учинении совершенного ими преступного деяния, особое присутствие признает справедливым понизить им это наказание, согласно 134 и 135 ст. улож. о наказ., на две степени, назначив таковое на основании закона 10 июня 1900 г. (отд. II, лит. А) и 2 ст. временных правил о замене ссылки и притом в низшей мере, т.-е. лишив их всех особенных лично и по состоянию присвоенных им прав и преимуществ, — отдать их в исправительные арестантские отделения сроком на четыре года каждого, с заменою, в случае надобности, по 77 ст. улож. о наказ., и с последствиями по ст. 4 и 5, III отд. лит. А закона 10 июня 1900 г. V. Подсудимые Дмитрий Карпов Кокушкин, 19 лет, Михаил Дмитриев Федоров, 18 лет, Дмитрий Никитин Вересов, 20 лет, Евдоким Григорьев Трушин, 18 лет, и Лидия Кириллова Бурчевская, 18 лет, подлежат, на основании 2 ч. 269^1 и 149 ст. улож. о наказ., наказанию по 7 степ. 19 ст. улож. о наказ. Приняв засим во внимание крайнее легкомыслие и невежество вышеупомянутых подсудимых, — особое присутствие находит справедливым, согласно 134 и 135 ст. улож. о наказ., уменьшить всем им это наказание на две степени, назначив таковое на основании закона 10 июня 1900 г., по 2 степени временных правил о замене ссылки, в низшей мере; в виду несовершеннолетия этих подсудимых во время учинения ими вменяемого им в вину преступления, надлежит уменьшить им это последнее наказание, согласно 140 ст. улож. о наказ., на две степени, а в виду того, что особое присутствие признало по настоящему делу доказанным, что подсудимые эти, будучи несовершеннолетними, вовлечены в преступление лицами совершеннолетними, — представляется справедливым, согласно 143 ст. улож. о наказ., уменьшить следуемое им по 2 степени 31 ст. улож. наказание еще на две степени, назначив таковое, в окончательном выводе, по 4 степ. 31 ст. улож. о наказ. и притом в низшей мере, а именно: заключить всех их в тюрьму, без лишения прав и без последствий, указанных в 3 и 4 ст. III отд. закона 10 июня 1900 г., сроком на один год и шесть месяцев каждого. VI. Подсудимая Марфа Яковлева, 18 лет, подлежит, на основании 2 ч. 269^1 и 149 ст. улож. о наказ., наказанию по 7 степени 19 ст. улож. Принимая во внимание крайнее ее легкомыслие, особое присутствие, согласно 134 и 135 ст. улож. о наказ., находит возможным уменьшить Яковлевой это наказание за силою закона 10 июня 1900 г. (отд. II, лит. А) на две степени, назначив такое по последней части 2 ст. врем. правил о замене ссылки в низшей мере, а засим и это последнее наказание, в виду несовершеннолетия Яковлевой, согласно 140 ст. улож. о наказ., уменьшить ей на две степени, назначив таковое в окончательном выводе по 2 степени 31 ст. улож. о наказ. в низшей мере, а именно, заключить ее в тюрьму без лишения прав и без последствий, указанных в 3 и 4 ст. III отд. закона 10 июня 1900 г., сроком на три года. VII. Подсудимый Афанасий Никитин Красулин, 35 лет, признан виновным в покушении на преступление, предусмотренное 2 ч. 1459 ст. улож., караемое 2 степ. 19 ст. улож. о наказ. Руководствуясь указанием 114 ст. улож. о наказ., особое присутствие, по обстоятельствам настоящего дела, признает возможным определить подсудимому Красулину это наказание на четыре степени ниже наказания, постановленного за совершение преступления, предусмотренного 2 ч. 1459 ст. улож. о наказ., т.-е. избрать ему наказанием по 6 степ. 19 ст. улож. о наказ.,

а засим, в виду крайнего невежества подсудимого, согласно 134 и 135 ст. улож. о наказ., понизить ему это последнее наказание еще на две степени, назначив таковое, согласно закона 10 июня 1900 г. (отд. II, лит. А), по первой части 2 ст. временных правил о замене ссылки в низшей мере, а именно: лишив его всех особенных, лично и по состоянию присвоенных ему прав и преимуществ, отдать его в исправительные арестантские отделения сроком на пять лет, с заменою, в случае надобности, по 77 ст. улож. о наказ. и с последствиями по ст. 4 и 5, III отд. лит. А закона 10 июня 1900 г. VIII. Подсудимый Александр Михайлов Ковальский, 26 лет, признан виновным в покушении на преступление, предусмотренное 2 ч. 1455 ст. улож. о наказ. Избирая для подсудимого Ковальского одно из наказаний, упомянутых в этой статье закона, — особое присутствие, по обстоятельствам дела, согласно 149 ст. улож. о наказ., признает справедливым избрать таковым наказание по 7 степ. 19 ст. улож., а засим в виду того, что подсудимый Ковальский признан виновным лишь в покушении, за силою 114 ст. улож. о наказ. понизить указанное в 7 степ. 19 ст. улож. наказание на две степени, назначив его, согласно закона 10 июня 1900 г. (отд. II, лит. А), по второй части 2 ст. временных правил о замене ссылки и притом в низшей мере, а именно: лишив подсудимого Ковальского всех особенных, лично и по состоянию присвоенных ему прав и преимуществ, отдать его в исправительные арестантские отделения сроком на четыре года, с заменою, в случае надобности, по 77 ст. улож. о наказ. и с последствиями по ст. 4 и 5, III отд. лит. А закона 10 июня 1900 г. IX. Судебные по настоящему делу издержки должны быть возложены на осужденных поровну, с круговою друг за друга ответственностью, а в случае их несостоятельности, таковые надлежит принять на счет казны. X. Вещественные по настоящему делу доказательства: фуражка, шляпа, шашка и винтовка должны быть возвращены по принадлежности, а нож, воззвания и бумажки — подлежат уничтожению; и XI. Приговор сей, на основании 1 п. 945 ст. уст. угол. суд., по вступлении его в законную силу, прежде обращения к исполнению, надлежит представить в отношении осужденного запасного рядового из дворян Анатолия Иванова Гаврилова, через министра юстиции, на усмотрение императорского величества.

Вследствие сего особое присутствие С.-Петербургской судебной палаты **определяет**: на основании 3 п. 771 ст. уст. угол. суд. I. Подсудимых Анатолия Иванова **Ермакова**, 22 лет, и Анатолия Иванова **Гаврилова**, 32 лет, на основании 2 и 4 ч. 269^1, 149, 7 ст., 19 ст. улож. о наказ., лишить всех прав состояния и сослать в каторжные работы: первого сроком на пять лет, а второго — на шесть лет, с последствиями по 25 ст. улож. о наказ. II. Подсудимых: Константина Иванова **Стефана**, 36 лет, Ефрема Степанова **Дахина**, 30 лет, Ивана Ильина **Соловьева** (он же Яблочкин), 24 лет, Александра **Александрова**, 22 лет, Александра Андреева **Зайцева**, 25 лет, Александра Савельева **Калинина**, 30 лет, Захара **Анисимова** (он же Андреев), 26 лет, Павла Александрова **Константинова**, 27 лет, Дмитрия Михайлова **Ситникова**, 26 лет, Василия Моисеева **Багрова**, 28 лет, Николая Иванова **Чиркова**, 21 года, Виталия Ефремова **Соколова**, 25 лет, Александра Иванова **Щербакова**, 24 лет, Александра Степанова **Тарасова**, 23 лет, Александра Елисеева **Богданова**, 25 лет, Семена Петрова **Машистова**, 22 лет, Михаила Евдокимова **Кириллова**, 22 лет, и Тимофея Степанова **Завалишина**, 29 лет, на основании 2 и 4 ч. 269^1, 149, 7 степ. 19, 134 и 135 ст. улож. о наказ. закона 10 июня 1900 г. (отд. II, лит. А) и 2 ст. временных правил о замене ссылки: подсудимого Афанасия Никитина **Красулина**, 35 лет, на основании 9, 2 ч. 1459, 2 ст. 19, 114, 6 степ. 19, 134

и 135 ст. улож. о наказ. и закона 10 июня 1900 г. и подсудимого Александра Михайлова **Ковальского**, 26 лет, на основании 9, 2 ч. 1455, 149, 7 степ. 19 и 114 ст. улож. о наказ. и закона 10 июня 1900 г., лишив всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ, отдать в исправительные арестантские отделения: Стефана Дахина и Соловьева — сроком на пять лет каждого, а всех остальных — сроком на четыре года каждого, с заменою, в случае надобности, по 77 ст. улож. о наказ. и с последствиями по ст. 4 и 5, III отд. лит. А закона 10 июня 1900 г. III. Подсудимых: Константина Иванова **Медянцева**, 18 лет, Дмитрия Карпова **Кокушкина**, 19 лет, Михаила Дмитриева **Федорова**, 18 лет, Дмитрия Никитина **Вересова**, 20 лет, Евдокима Григорьева **Трушина**, 18 лет, Лидию Кирилловну **Бурчевскую**, 18 лет, и Марфу Яковлеву **Яковлеву**, 18 лет, на основании 2 и 4 ч. 269^1, 149, 7 степ. 19, 134 и 135 ст. улож. о наказ. закона 10 июня 1900 г., 140 и 1 и 2 степ. 31 ст. улож. о наказ. в отношении Медянцева и Яковлевой и 143 и 4 степ. 31 ст. улож. о наказ. в отношении остальных заключить в тюрьму без лишения прав и без последствий, указанных в 3 и 4 ст. III отд. закона 10 июня 1900 г.; Медянцева — на четыре года, Яковлеву — на три года, а остальных на один год и шесть месяцев каждого. IV. Подсудимых: Григория **Емельянова**, Николая Васильева **Семенова**, Михаила Петрова **Пошехонова**, Ивана **Николаева** (он же Иванов), Дмитрия Игнатьева **Петрова**, Александра Александрова **Даувальтера**, Дмитрия Васильева **Саженникова** и Андрея Иванова **Чиркова**, на основании 1 п. 771 ст. уст. угол. суд., признать по суду оправданными. V. Судебные по делу издержки возложить на осужденных поровну, с круговою их друг за друга ответственностью, а в случае их несостоятельности — принять на счет казны. VI. Вещественные доказательства: фуражку, шляпу, шашку и винтовку — возвратить по принадлежности, а нож, воззвания и бумажки уничтожить, и VII. Приговор сей, на основании 1 п. 945 ст. уст. угол. суд., по вступлении его в законную силу прежде обращения к исполнению, представить в отношении осужденного запасного рядового из дворян Анатолия Иванова **Гаврилова**, через министра юстиции на усмотрение императорского величества. Подлинный за надлежащими подписями и скрепою.

Верно: И. д. секретаря П. **Домерщиков**.

ПИСЬМО РАБОЧЕГО[1] ИЗ ТЮРЬМЫ ПОСЛЕ СУДА И ПРИГОВОРА.

«Многоуважаемый N. N.

Вот они как-то! Я говорил, что не довели бы до угольных копей — так и есть! На 6 лет! А другого Анатолия, тоже Ивановича, Ермолаева на 5 лет. Так два Анатолия — один Гаврилов, а другой Ермаков — и идут в мир от людей отверженных! Да! Не по заслугам кару понесли. Все мы сильно пострадали, остальные осуждены в арестантские роты и тюрьму и все на очень большие сроки; даже наши победоносные девицы — и тех не миновала эта горькая участь; одну (Марфу Яковлеву) осудили на 3 года, а другую на $1^1/_2$ года в тюрьму. Да не меньше нас страдают и будут страдать ни в чем неповинные наши семьи.

Да! Трагическая была ночь — положим, было уже 5 часов утра, когда читали приговор, от которого поднялся плач и надолго, а может-быть, и навечно неизгладимая печаль. Одна чья-то жена или мать, бедняжка, так и грохнулась на пол, и ее плач сменился каким-то сдавленным, скрипучим стоном. Моя жена, бедняжка, тоже горько-горько плакала. Жаль бедняжку! Да вдобавок, в таком она положении, что на днях должна родить, а тут такое горе случилось. что отразится даже на том, кто совершенно невинен и не успел даже появиться на свет, а уже лишился отца навсегда. И видишь все это — и подойти утешить-то нельзя, жандармы несчастные, как столбы, вокруг нас стоят. Я уже попросил своего защитника, чтобы он хоть слова два ей сказал в утешение, и он все с ней стоял и утешал. Да и, видно, намучившись была бедная, ведь все 4 дня все сидела, а последний день и целую ночь пришлось сидеть, и наверное бедняжка, голодная, ожидала — вот оправдают, а тут еще хуже.

Все защитники резали хорошо, а ничего не вышло. Свидетели против нас врали, путали, и на все прокурор нуль внимания — говорит: «Я буду верить первым показаниям, потому что они забыли». Много, много тут было несправедливости, а ни на что не обратили внимания... Ну, пока до свидания, очень спать хочется. Желаю и вам спокойной ночи, а проснетесь, то пожму крепко вашу руку».

---

[1] Автора письма установить не удалось. *П. К.*

ЛЕНИН ОБ «ОБУХОВСКОЙ ОБОРОНЕ».[1]

...Мы еще недостаточно оценили мстительность русского правительства. Мы думали, что к военной расправе оно прибегло как к последнему средству борьбы, боясь обращаться к суду. Оказывается, сумели соединить и то и другое: после избиения толпы и убийства трех рабочих выхватили 37 человек из нескольких тысяч и присудили их к драконовским наказаниям.

Как выхватили и как судили, — об этом дает некоторое представление обвинительный акт. Во главе зачинщиков поставлены Ан. Ив. Ермаков, Ефр. Степ. Дахин и Ан. Ив. Гаврилов. Обвинительный акт указывает, что Ермаков имел прокламации на квартире (по словам подручной в казенной винной лавке Михайловой, не вызванной на суд в качестве свидетельницы), что он говорил о борьбе за политическую свободу и ходил 22 апреля на Невский, захватив красный флаг. Далее подчеркивается, что и Гаврилов имел и раздавал прокламации, призывавшие на демонстрацию 22 апреля. Про обвиняемую Яковлеву тоже говорится, что она участвовала в каких-то тайных сборищах. Несомненно, таким образом, что прокурор постарался выставить зачинщиками именно людей, в которых сыскная полиция подозревала политических деятелей. Политический характер дела виден также из того, что толпа кричала: «Нам нужна свобода!», виден и из связи с первым мая. В скобках сказать, расчет 26 человек за «прогул» первого мая и зажег весь пожар, но прокурор, разумеется, ни словечка не проронил о незаконности такого расчета!

Дело ясное. Для суда выхватили тех, в ком подозревали политических врагов. Сыскная полиция представила списки. А полицейские, разумеется, «удостоверили», что эти лица были в толпе и бросали камни и выделялись среди других.

Судом прикрыли вторичный (после побоища) акт политической мести. И подло прикрыли: о политике упомянули для отягощения вины, но политической обстановки всего происшествия разъяснить не позволили. Судили, как уголовных, по 263 ст. Улож., т.-е. за «явное против властей, правительством установленных, восстание», и притом восстание, учиненное людьми вооруженными (?). Обвинение было подтасовано: полиция приказала судьям разбирать лишь одну сторону дела.

Заметим, что по 263 — 5 ст. Уложения можно закатать на каторгу за всякую манифестацию: «явное восстание с намерением не допустить

---

[1] Из статьи В. И. Ленина, напечатанной в № 10 «Искра» (ноябрь 1901 г.) под заглавием «Каторжное правило и каторжный приговор». *П. К.*

исполнения предписанных правительством распоряжений и мер», хотя бы «восставшие» не были вооружены и даже не производили явных насильственных действий! Русские законы щедры на каторгу! И нам пора позаботиться о том, чтобы каждый такой процесс был превращаем в политический процесс самими обвиняемыми, чтобы правительство не смело свою политическую месть прикрывать комедией уголовщины!

А какой «прогресс» в самом судопроизводстве, по сравнению, напр., с 1885 г.! Тогда морозовских ткачей судили присяжные, в газетах были полные отчеты, на суде свидетели из рабочих вскрыли все безобразия фабриканта. А теперь — суд чиновников с безгласными сословными представителями, закрытые двери суда, немое молчание печати, подтасованные свидетели: заводское начальство, заводские сторожа, полицейские, бившие народ, солдаты, стрелявшие в рабочих. Какая гнусная комедия!

Сопоставьте этот «прогресс» расправы с рабочими в 1885 и 1901 гг. с «прогрессом» борьбы против голодающих в 1891 и 1901 гг. — и вы получите некоторое представление о том, как быстро растет и в глубь и в ширь возмущение в народе и в обществе, как яростно начинает метаться правительство, «подтягивая» и частных благотворителей и крестьян, устрашая рабочих каторжными приговорами. Нет, каторга не устрашит рабочих, вожаки которых не боялись умирать в прямой уличной схватке с царскими опричниками. Память об убитых и замученных в тюрьмах героях-товарищах удесятерит силы новых борцов и привлечет к ним на помощь тысячи помощников, которые, как 18-летняя Марфа Яковлева, скажут открыто: «Мы стоим за братьев!». Правительство намерено, кроме полицейской и военной расправы с манифестантами, судить их еще за восстание; мы ответим на это сплочением всех революционных сил, привлечением на свою сторону всех угнетенных царским произволом и систематической подготовкой общенародного восстания!

ПЕТЕРБУРГСКИЙ КОМИТЕТ Р. С.-Д. Р. П. И МЕЖДУНАРОДНАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ОБ «ОБУХОВСКОЙ ОБОРОНЕ».

ПРОКЛАМАЦИЯ ПЕТЕРБУРГСКОГО КОМИТЕТА Р. С.-Д. Р. П. О ПРИГОВОРЕ ПО ДЕЛУ ОБ «ОБУХОВСКОЙ ОБОРОНЕ».

«Правосудие свершилось». Приговор произнесен. Судьба наших товарищей — рабочих Обуховского завода решена. Каторга им за то, что они осмелились требовать и добиваться лучшей жизни, каторга им, тюрьма, арестантские роты за то, что дерзнули они открытой грудью своей встретить пули и шашки солдат.

Самый состав суда — кучка заинтересованных лиц: несколько правительственных чиновников и представителей привилегированных сословий — уже предрешал приговор; пристрастное следствие, ограничившееся исключительно показаниями лиц, враждебно настроенных против рабочих, и обвинявшее безоружную толпу в вооруженном сопротивлении властям, облегчило судьям привести в исполнение гнусный замысел царского правительства, а закрытые «по высочайшему повелению» двери суда и шеренги полицейских и судебных приставов, оградивши суд от досадного контроля общества и печати, сулили, казалось, спрятать концы в воду.

Нет, это не суд! Это насмешка над правосудием, это заранее обдуманное преступление правительства против народа. Кровожадный идол — государственный порядок не удовольствовался кровью невинных людей, обагрившею мостовую Шлиссельбургского тракта: в жертву ему разбиты еще 29 жизней, пущено по миру еще 29 семей...

Этим белым террором, этим необузданным зверством хочет нас запугать правительство. Но не робостью и страхом, а негодованием и ненавистью наполняет оно наши сердца. Не страшит нас, товарищи, эта дикая, бессмысленная жестокость, с которой правительство набросилось на отдельных, случайно выхваченных из толпы лиц «за грехи» всех петербургских рабочих, не страшит потому, что не о силе и могуществе свидетельствует она — ведь истинная сила в терроре не нуждается, — а лишь о безграничной злобе его и растерянности, ужасе его перед протестом рабочего класса: ведь не может не чувствовать оно, что с каждым залпом по безоружной толпе, с каждым несправедливым приговором все шире раскрываются глаза рабочих, все больше расшатывается почва, на которой держится современный строй, — народное невежество. Теперь мы, петербургские рабочие, хорошо знаем, что

это мы сами делаемся теми «внутренними врагами», против которых не стесняются употреблять оружие наших же несчастных братьев-солдат всякий раз, когда мы, не довольствуясь одними обязанностями, требуем для себя каких бы то ни было прав. На горьком опыте мы теперь убедились, что самая мирная и спокойная борьба за лучшую долю, за права свободного человека встретит лишь грубое насилие власти, будет караться как преступление государственной важности.

И не можем мы не проникнуться ненавистью к тому правительству, которое вооружается против своего же народа, которое даже правосудие превращает в орудие угнетения и эксплуатации, которое так откровенно и нахально берет под свою охрану и защиту своекорыстные интересы кучки эксплуататоров капиталистов против многомиллионного трудящегося люда. Кто сеет ненависть — пожнет борьбу.

Осужденные товарищи! Нам больно, что мы теперь не в силах избавить вас от доли тяжелой. Будьте уверены, что ваша борьба и страдания пробудили к сознательной жизни и бесстрашной борьбе много дремавших людей. Так пусть же на каторге, суровой и холодной, и в душной тюрьме вам светит и греет вас надежда, что ценою своих страданий вы приблизили день освобождения всего рабочего класса.

СПБ. Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

СПБ. Союз борьбы за освобождение рабочего класса.

Октябрь 1901 г.

РЕЗОЛЮЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ В БРЮССЕЛЕ 30 ДЕКАБРЯ 1901 г. ПО ДЕЛУ ОБ «ОБУХОВСКОЙ ОБОРОНЕ».

Международное социалистическое бюро клеймит русский царизм, который еще раз обагрил себя кровью, подвергнув 7 мая рабочих Обуховского завода дикой расправе во время демонстрации, находившейся в тесной связи с празднованием 1 мая. Оно клеймит далее русское самодержавие за то, что последнее при посредстве своего продажного суда осудило 29 жертв на каторгу и тюрьму, — жертв, без всякого разбора выхваченных из среды обуховских демонстрантов.

Бюро шлет свой братский привет героям-борцам русским рабочим и уверяет их в том, что международный социализм питает самые теплые симпатии к их борьбе за свободу, борьбе, которую они ведут против царизма — врага социализма и демократии.

